ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владислав Крапивин

ТОПОЛЯТА

Владислав Петрович Крапивин

Тополята

Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25018949
Тополята: Дет. лит; Москва; 2013
ISBN 978-5-08-005107-4

Аннотация

Самое дорогое в жизни маленького человека – это мама, семья, любовь родных и близких. Но в нынешние времена порой случается так, что кто-то чужой и посторонний может все это отнять у него, лицемерно прикрываясь защитой прав ребенка.

Эта книга о бедах и несчастьях, которые происходят в жизни современных детей благодаря таким «защитникам», и о равнодушии и безответственности взрослых, которые это допускают. Но она также и о доброте, сердечности и настоящей дружбе, которые помогают маленьким героям избавиться от тоски и одиночества, ощущения своей ненужности и покинутости и обрести родных людей и понимание того, что такое для человека Родина.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Часть первая. Прозрачные паруса 6
Про кошек 6
Айзенверкенбаум 19
«Деревянные» шаги 35
Высота 47
Что такое ЮЮ 64
«Сиреневый» Тенька и компания 79
Искры на парусах 90
Еще о кораблях 110
«Капитаны» и тараканы 120
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Владислав Крапивин
Тополята

© Крапивин В. П., 2011
© Стерлигова Е. И., иллюстрации, 2013
© Иванов Ю. В., иллюстрации на переплете, 2013
© Оформление серии, послесловие. ОАО «Издательство «Детская литература», 2013

* * *

Часть первая. Прозрачные паруса

Про кошек

Тенька и мама играли в шахматы.

В комнате, которая называлась «вахтёрка», стоял мягкий полусвет. На улице был май, но клены за решеткой широкого окна качали уже совсем летние широкие листья. Солнце пробивалось через них лучами-спицами. Лучи раскидывали пятна, похожие на зеленоватых бабочек. Эти бабочки ползали по стенам со списками обитающих в общежитии студентов, по обшарпанному компьютеру и белому телефону. По календарю с картиной «Аленушка». По клетчатой доске. И по маме…

Тенька стоял коленями на скрипучем стуле, а животом лежал на краешке стола. Мама сидела напротив. Поглаживала волосы – они коричневым крылом закрывали половину лица. Мамин правый глаз глядел на доску сосредоточенно, а левый – сквозь волосы – хитровато. И не на шахматы, а на Теньку.

Мама сказала:

– Тоже мне, Карпов и Каспаров. Твои хитрости я вижу на пять шагов вперед. И конем не пойду, даже не надейся. А пойду вот этой пешкой…

– Ну и пожалуйста… – Тенька уперся локтями в стол, а пальцами сгреб в два хвоста отросшие лохмы под затылком. Подергал…

Хитростей никаких Тенька не замышлял – если они и получились, то сами собой. Но пусть мама думает, что он строит коварные планы.

Игроки они – и мама, и Тенька – были так себе. Теньку зимой научил шахматным премудростям дворник Виталя. То есть не премудростям, конечно, а самым простым правилам игры. Но для начала хватило и этого. А Тенька научил маму. Теперь было занятие, когда мама дежурила на посту, а он, Тенька, оставался ночевать с ней, чтобы мама не скучала и чтобы… ну, в общем, «не вспоминала прошлое».

Кроме шахмат имелись тут и другие развлечения. Но телевизор с его стрельбой, взрывами и рассуждениями про экономический кризис осточертел и Теньке, и маме. Можно включить компьютер, однако «игрушек» в нем немного, а своих дисков у Теньки не водилось. Откуда они у третьеклассника, для которого мать наскребает деньги лишь на школьные обеды?

Иногда удавалось выудить «игрушку» в Интернете. Только Теньке больше нравилось шарить в Сети не ради игр, а просто так, наугад. Чего там только не нароешь! Однако не всегда имелась такая возможность. «Ящик» был подключен к институтской сети, работал бесплатно, но по вечерам Интернет часто отключали. Дядьки из ЦМК (Центр местных

коммуникаций) объясняли: «Это чтобы молодежь не слишком увлекалась и не валяла дурака…»

А шахматы не отключишь! Вот они – гладенькие, блестящие, полностью тебе послушные…

Ну и, разумеется, нельзя отключить книжки! Те, которые рядом, на полке…

Надо сказать, что книжное чтение Тенька освоил не сразу. И приохотился к нему опять же благодаря Интернету. Однажды на каком-то сайте увидел он картинки про странных, инопланетных, зверей и девчонку в скафандре. Оказалось, что это повесть «Девочка с Земли». Прочитал полстранички, потом еще… И вдруг понял, что одолел повесть целиком! Раньше сроду такого не бывало! В прошлом году, случалось, канючил: «Ма-а, почитай…» Потому что замечательно сидеть у лампы и слушать про Изумрудный город, про Герду и Кая, про Муми-троллей и царя Салтана… Но не всегда у мамы было время (и не всегда было настроение). «Большущий парень, девятый год! Я в твоем возрасте сама читала „Капитанскую дочку“ и „Дон Кихота“! Неужели трудно взять книжку?» – «У меня не получается!» – «А ты пробовал?» – «Пробовал! У меня на книжки ал… рел… гри…» – «Чего-чего?» – «Это… ал-лер-гия…» – «А на ремень у тебя нет аллергии?»

Вот так! Чуть что – сразу про ремень. А сама хоть бы раз в жизни хлопнула… «Стыд на весь белый свет! Книжек боишься больше, чем тараканов!..»

Тараканов Тенька боялся до остановки дыхания… Вообще-то вовсе не был он трусливой «маминой деткой». К незнакомым псам подходил без страха, по высоченным тополям и крышам лазил, как обезьяна, нырял с трехметровой вышки на пруду и не очень робел во время драк, хотя и не лез первым… Но эти коричневые усатые твари! А если такой попадет за шиворот?.. «М а-м а-а!»

«Не люблю книжки, потому что они как учебники…» – объяснял Тенька. «Но ведь учебники-то все равно ты читаешь!» – «Ну не для радости же! А чтобы двоек не нахватать!» – «Совершенно непутевая личность…» – «Ага…» – «Давай подстригу хотя бы…» – «Не-а…»

Оказалось, что в Интернете не одна повесть про девочку Алису, а несколько. Тенька у монитора дышал радостно и азартно. Однако вредные дядьки в ЦМК (тыщу тараканов им в штаны!) повадились выключать Сеть все чаще. Однажды Тенька пожаловался на это безобразие Витале. Тот удивился:

– Если ты такой читатель, почему в библиотеку не сходишь? В двух кварталах…

Тенька объяснил про «ал-лер-гри-рию» (тьфу!). Виталя, добродушный, толстый, рассудительный, не стал говорить про ремень, а повел Теньку в свою дворницкую «контору». Достал с полки плоскую штуку с экраном.

– На, пользуйся. Только недолго, с неделю. А то у меня там конспекты. Скоро сессия.

– Это что?

– Сессия? Дай тебе Создатель не ведать такого подольше…

– Про сессию я ведаю. *Это* что?

– Называется «наладонник». Здесь записаны полтыщи книг. Включаешь «Содержание», выбираешь чего хочется… Сиди и читай, раз уж привык с экрана.

Мама удивилась:

– Как это Виталий доверил тебе такую дорогую вещь?

– А чего? Он всем всё доверяет. И велик, и видеокамеру… Только Изольда на него всегда скребет: «Непонятно, почему дети к нему так липнут! Чему он их там учат, в своей конуре с мётлами? Куда смотрит участковый!..» Зануда…

Мама не стала укорять сына. Она не хуже ребят знала, кто такая соседка Изольда Кузьминична. Были времена, когда эта «Изя-Кузя» и про маму говорила гадости…

Тенька обалдел от множества замечательных историй в плоской коробке с экраном. Он успел прочитать «Белеет парус одинокий», «Остров сокровищ» и «Приключения Портоса» (про собаку). Потом пришлось отдать «наладонник» Витале. Со вздохами.

Виталя пожалел Теньку. Нет, «наладонник» он Теньке больше не дал (сессия же!), но сказал:

– Что-нибудь придумаем. Зайди через пару дней…

Тенька зашел.

– На… – Виталя протянул ему штучку, похожую на футлярчик с губной помадой.

– Это чо? – удивился Тенька.

– Не «чо», а «что»…

– Ага, мама тоже всегда поправляет…

– Потому что мама культурная женщина… А это флешка. Не видел такие, что ли?

– Не-а…

– Была у меня про запас, да ладно, так и быть… В ней те же книжки, что в наладоннике, вчера скачал. Ее надо подключать к компьютеру. Воткнул – и читай…

– Такая маленькая…

– Маленькая, да удаленькая. Бери…

– Надолго? – осторожно спросил Тенька.

– Насовсем… – вздохнул Виталя (видать, было все же немного жаль). – Можно, конечно, перекачать на жесткий диск, но ведь у вас казенный компьютер. Отберет начальство – и опять сиди на бобах. А с этой «игрушкой» надежнее: подключайся где хочешь…

– Уй-я-а!.. – с тихим восторгом выдохнул Тенька. В этом выдохе было и «большущее спасибо», и «Виталя, ты чудо что за человек», и «теперь заживем»…

Так Тенька стал владельцем библиотеки, спрятанной в пенальчике размером с мизинец. Теперь он сидел у монитора каждый вечер и млел… Но большие радости не бывают долгими. Через неделю компьютер испустил дух. Сколько ни нажимай кнопки, даже не мигает, молчит, как ящик от посылки. Виталя говорил: «Подключайся где хочешь». А где?!

Раньше, при отце, дома тоже был компьютер, но что вспоминать прошлое… Пришел недовольный парень из ЦМК, сказал: «Требуется длительная профилактика» – и забрал компьютер с собой. Вот сиди и кукарекай…

Мама, однако, не огорчилась.

– Может, наконец научишься нормальные книжки читать…

– Где они, нормальные-то?

– Дома полная этажерка.

– Ага, всякие «Вóйны и мúры», нудятина…

– Сам нудятина… А вчера я принесла целую пачку. В библиотеке у Миры Яковлевны списывали старые экземпляры, я у нее выпросила кое-что…

Тенька надул губы. Но когда вернулись с дежурства домой, все-таки начал перебирать лежащую на подоконнике стопку. Повезло! Нашлись веселые рассказы писателя Сотника, которые Тенька не дочитал на компьютере. Он решил узнать, чем кончилось дело с подводной лодкой Вовки Грушина, начал листать. Оказалось, бестолковый Вовка чуть не потонул. Потому что не знал, кто такой Архимед и какой у него закон подводного погружения. Тенька-то знал, хотя и второклассник. Про это прошлым летом рассказал пацанам Виталя, когда помогал им испытывать на пруду модель батискафа (модель сгинула в глубине, и тогда-то Виталя просветил испытателей насчет великого древнего ученого).

Тенька похихикал над необразованным Вовкой (и пора-

довался, что бедняга все же остался жив), а потом – по инерции – потянул еще одну разлохмаченную книжку. Оказалось, что это «Приключения Буратино». Тенька не раз видел кино про Буратино, и оно было замечательное. Казалось бы, зачем читать, когда и так все известно? Однако Тенька зацепился глазами за первые строчки и… прочитал историю про золотой ключик не отрываясь. Потому что, когда пыхтел над страницами, казалось, что кто-то добродушный, слегка лукавый, сидит рядом на старой диван-кровати и негромко проговаривает строчку за строчкой. Будто приглашает побеседовать…

И с таким вот ощущением – словно рядом собеседник – Тенька за несколько дней освоил «Принца и нищего», «Расмуса-бродягу», «Пещеру капитана Немо»…

– Мам, какой идиот велел выбросить эти книжки?!

– Что за словечки!.. Пришла комиссия, распорядилась. С комиссией не поспоришь. Сказали: они старые, в них много микробов…

Подумаешь, микробы! Не тараканы же!..

Наконец компьютер вернули. И Тенька сразу воткнул флешку… Но с флешки-то читать можно только у мамы на работе, а книжки – они всегда под рукой! Жаль, что скоро они кончились.

Тенька сходил в библиотеку к Мире Яковлевне, сказал, что он сын ее знакомой, Ирины Матвеевны («ну, той, которой вы подарили старые экс-зыл-мпляры»), и спросил: нет

ли еще ненужных книг. Мира Яковлевна, худая, седая, очкастая, воздвигла очки на лоб и сказала: «Нет-нет, что ты, это не полагается», но потом… приложила палец к губам и вынесла тяжелый пластиковый пакет.

– Но только никому ни слова! А то меня с тр-реском выгонят с работы…

Тенька не поверил, что выгонят (да еще «с тр-реском»), но поклялся: мол, никому не словечка. И уточнил:

– А маме можно?

– Маме можно: мы сообщники…

Конечно, Тенька мог бы получать книги в библиотечном абонементе на время, но когда они свои, постоянно рядом, это в тыщу раз интереснее.

В новой порции книг оказались «Рассказы о животных» писателя Куприна. «Белый пудель», «Слон» и всякие другие. Теньке нравилось читать о зверях и птицах. А в этой книжке особенно пришелся по душе рассказ «Ю-ю». Казалось бы, ничего там особенного, никаких приключений, простенькая история о жизни кошки. Но кошка была такая преданная, такая ласковая, что будто присела сбоку от Теньки и потерлась мордашкой о его штанину.

– Мам, давай заведем наконец кошку.

– Что?.. Ладно, подумаем…

– Ты всегда одно и то же: «Подумаем», «посмотрим»…

– Вот если кончишь третий класс без троек…

– Ма-а! Это же нечестно! Ты же знаешь, что без троек не кончу!

– А ты постарайся… Тебе мат.

– Как это – мат?.. А-а, ну ладно… – Тенька видел, что мата легко избежать, но не стал спорить. Может, выигрыш сделает маму сговорчивей. Он сгреб фигуры.

– Видишь, как я тебя игре научил! А ты из-за кошки упрямишься!

– Ты после рассказа Куприна влюбился во всех кошек на свете.

– Всех я всегда любил. А теперь мне бы только одну… Я лягу спать, а она устроится у меня на пузе и будет урчать…

– Тощая и шелудивая…

– Наоборот! Гладкая и сытая!.. Ма… Назовем ее, как в книжке, Ю-ю…

– Ю-ю на голову мою… Тебе радость, а мне – кормить и убирать.

– Сам буду! Вот увидишь!

– Хорошо, посмотрим.

– Опять!

– Ну не сию же минуту решать этот вопрос!

– Но скоро, ладно?

– Посм… Кто там еще?

В дверь настойчиво заскреблись.

– Это Сима! – Тенька прыгнул к порогу, оттянул на себя тяжелую дверную створку.

За ней стоял серый кудлатый пес. Размером с большую овчарку и даже слегка похожий на нее. Но совершенно беспородный. Понюхал мешковатую Тенькину штанину и махнул хвостом.

– Явился, красавец! – сказала мама. – Тебе здесь что? Вахта или благотворительная столовая?

Сима снова махнул хвостом, будто давал понять, что одно другому не мешает. Мама достала из тряского холодильника газетный сверток. В нем (Тенька знал) были остатки рыбного пирога, обрезки колбасы, кусок холодца и надкусанная котлета, которая вчера не понравилась Теньке.

Сима помахал хвостом третий раз.

– Не вздумай лопать прямо здесь, – предупредила мама.

Впрочем, это она для порядка. Мама знала, что сверток с едой Сима утащит на пустырь за кочегаркой. Там, среди дырявых бочек и ржавых контейнеров, обитало его семейство: сам Сима, его жена Динка, ее взрослый брат и четверо жизнерадостных щенят. Сима для порядка рыкнет на родичей, чтобы большие не оттирали маленьких, а щенки быстро растреплют сверток и в одну минуту растащат на порции, слопают гостинец. Взрослые вздохнут, но отнесутся к этому с пониманием: о малышах здесь принято заботиться.

Это собачье племя отличалось добродушием. Ни на кого не гавкали, хотя Изольда Кузьминична не раз говорила участковому, что «соседство четвероногих террористов» добром не кончится. И что давно пора вызвать «представите-

лей соответствующей службы», чтобы те забрали бесприютных животных в собачий питомник, а то и «куда подальше». Участковый, подпоручик внутренней службы Куликов (всегда серьезный и озабоченный массой неразрешимых задач), соглашался. Но «представители» приезжали только один раз. Сима перед их появлением увел всю родню в глухие кленовые заросли на берегу речки Таволги. Теньке казалось, что Симу предупредил Куликов. Тенька даже спросил про это Виталю, и тот ответил:

– Не исключено… – Он и Куликов были добрые знакомые.

А Сима себя и свое семейство бесприютными не считал. Пустырь был для него «родовым поместьем». Летом вольготно и зимой не холодно, потому что вдоль кочегарки тянутся теплые трубы. А от дождя и ветра можно укрыться в бочках…

Сима вежливо удалился с пакетом в зубах.

– Мама, я погуляю. Шурик Черепанов обещал дать велик покататься.

– Ты же говорил, что этот Шурик жадина?

– Раньше был жадина, а сегодня сказал: «Если хочешь, бери и катайся». Наверно, потому что воскресенье…

– Не носись как угорелый, а то шею свернешь…

– Не сверну… А кошку заведем?

– Сгинь сию минуту!.. Долго не болтайся, иди со двора не сюда, а домой. Разогрей пельмени, потом садись за уроки.

– Мам, ну какие уроки! Скоро каникулы! Ничего уже не

задают.

– Так я и поверила! Задают до последнего дня…

– Ну, это в нормальных классах. А мы же беспризорные! Анна Евсеевна сейчас на больничном, а Зиночке в ее третьем «А» своих забот хватает. С нами она дополнительно…

– Что еще за «Зиночка»! Зинаида Ивановна!

– Ага, я и говорю… А как насчет кошки?

– А как насчет троек?

– Ну разве это жизнь? – скорбно проговорил Тенька.

Айзенверкенбаум

Он около часа мотался по окрестным переулкам и дворам на дребезжащем складном «кузнечике» Шурика Черепанова.

Дворов было два – оба широкие, мощенные гранитными плитами. Из щелей среди плит вырастали подорожники, сурепка, мелкие ромашки и, конечно, одуванчики. Сейчас они буйно цвели – этакая солнечная россыпь. Соединялись дворы дорожками, каменными лесенками и травянистыми тропинками, ведущими через проломы в низком заборе из старинного кирпича. Верх у забора порос репейником и мелкими березками.

Если встать лицом на север, слева будет Макарьевский двор, справа – Карпухинский. Так в давние времена именовались две усадьбы, построенные в старинном стиле – с колоннами и львиными масками (Виталя говорил, что стиль называется «классицизм»). Усадьбы горного генерала Карпухина и владельца золотых приисков Макарьева сохранились до сих пор, только сильно обшарпанные, с побитыми фасадами и обвалившимися балконами. Но издалека они все еще казались красивыми, особенно в свете закатных лучей. В одном здании были институтские конторы и склады, в другом – общежитие. Эти трехэтажные особняки боковыми сторонами выходили к Городскому пруду (он образовался в дав-

ние времена, когда перекрыли плотиной небольшую реку Таволгу). А с другой стороны дворы замыкал желтый шестиэтажный дом. Его построили полвека назад. Во времена своей молодости дом считался очень удобным и, как говорится, «престижным». В нем уже тогда были квартиры с ванными и лифт.

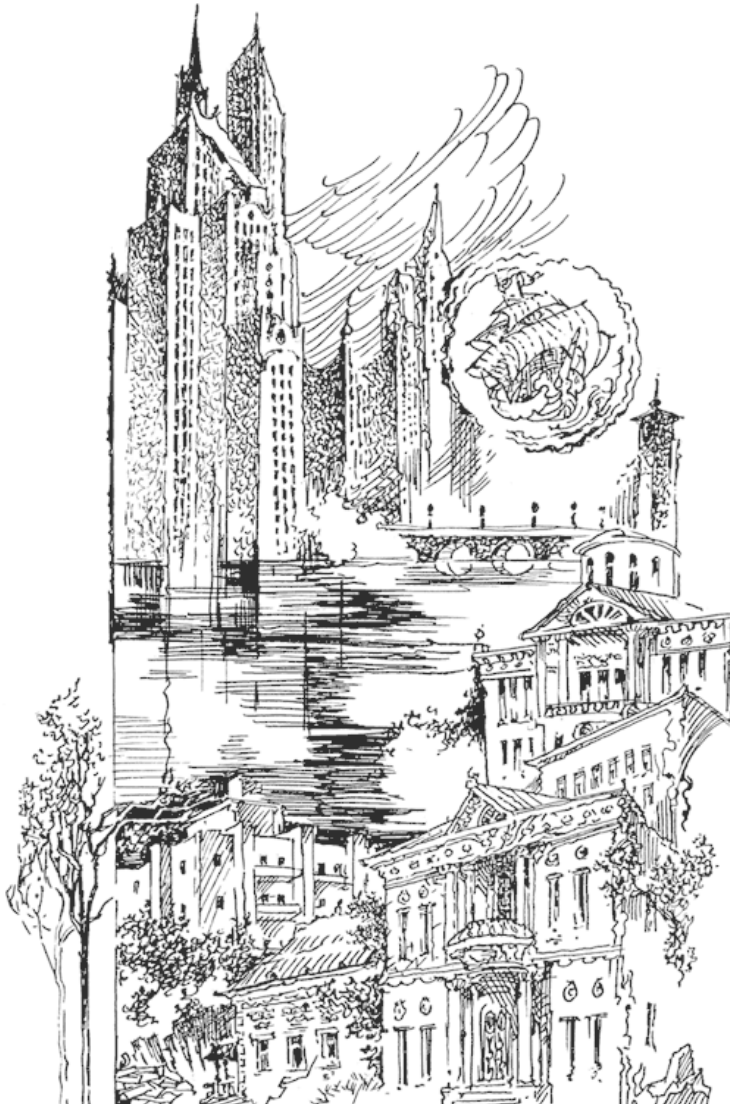
В этом-то доме, в двухкомнатной квартирке на шестом этаже, и обитал третьеклассник Тенька Ресницын – сперва с мамой и отцом, а потом только с мамой (так уж вышло).

Кстати, в имени Тенька не было ничего особенного. Когда родился, отец настоял, чтобы назвали сына Степаном. Любил подбрасывать его к потолку и приговаривать: «Ах ты Стенька-разбойник, таволжский атаман…» Но сын свое имя не выговаривал, называл себя просто «Тенька». «Ну как хочешь», – согласился в конце концов отец. А мама была даже рада: ей не хотелось, чтобы в сыне пробуждалось что-нибудь разбойничье. Она вообще мечтала о девочке, об Алёнке, ну а раз уж появился мальчишка, то пусть будет не сорванцом, а воспитанным ребенком.

Из сына не получился очень воспитанный ребенок. Но и сорванцом Тенька не был – за исключением нескольких случаев, о которых речь впереди…

Старые дворы лежали в центре города, их обступали многоэтажные кварталы. Городским властям давно хотелось расчистить это место, срыть старинные усадьбы – столько места для современных супермаркетов и автостоянок! Но Кар-

пухинский и Макарьевский особняки находились под охраной закона, памятники старины. Любители городской истории предлагали устроить здесь музейный комплекс, и мэр, по фамилии Блондаренко, каждый раз кивал: «Да-да, вы правы. Но где взять на это средства?» Однако, чтобы выстроить «Центр-Сити» на другом берегу Городского пруда, Блондаренко средства нашел. Распорядился снести кварталы с причудливыми деревянными домами, фонтанами, садами и старым театром и возвести на этом месте небоскребы, как за границей.



«Но вы же губите исторический центр!» – говорили ему многие жители города. «Мы строим *новый* центр! – отвечал мэр Блондаренко. – Мы делаем историю своими руками». – «Но вы уничтожаете бесценную старину!» – «Вовсе нет! – возражал Блондаренко. – Я ее люблю. Ведь это именно я настоял, чтобы городу вернули историческое название!»

В двадцатом веке, после всяких революций и переворотов, город получил имя Колыбельцев – потому что «колыбель металлургии». И все привыкли к этому названию. А к тому, которое недавно вернули городу, привыкнуть было трудно: Айзенверкенбаум! Говорят, что это наименование изобрел основатель империи самодержец Петр Алексеевич: он любил иностранные слова. На русский язык имя города переводилось вроде бы как «растущее железное производство». Бред какой-то. Ну, с его величеством было не поспорить, однако сейчас-то зачем повторять старую дурь?.. Многие говорили по-прежнему «Колыбельцев», и станция железной дороги называлась так же…

Ну вот, название мэр вернул старое, а дома принялся возводить новые. Этакий бетонно-стеклянный ансамбль в двадцать и даже тридцать этажей. А в середине похожего на маленький Чикаго нагромождения возвысилась шестидесятиэтажная башня. Горожане дали ей имя – «Зуб». Пытались приклеить и другие имена (в том числе и не совсем приличные), но прозвище «Зуб» оказалось самым подходящим.

Башня торчала, будто длинный клык в неровной челюсти. Издалека это смотрелось внушительно и в синем пруду отражалось даже красиво. Особенно, когда на Сити падали вечерние лучи. Но беда в том, что у строительных компаний, которыми командовали друзья мэра, не хватило денег. «Сами понимаете, кризис, – разводил руками городской голова. – Вот придет время стабильности, и тогда…»

Когда придет это светлое время, никто не знал. А пока многоэтажный Сити оставался пуст. Снаружи он выглядел отстроенным, но внутри не было отделки, лифтов, отопления, и лампочки горели только от временной проводки. Поэтому никакие фирмы не хотели устраивать там свои конторы, никакие жильцы не желали покупать квартиры в многоэтажных громадах.

Мужички за доминошными столами и бабки на лавочках поговаривали, что скоро, мол, эту бесхозную жилплощадь освоят бомжи. И потом их оттуда уже не выкуришь. Но бомжи не спешили заселять громадные многоэтажки и центральный небоскреб. Отпугивало их странное опасение. Словно лежало над кварталом «Центр-Сити» заклятие. Те же бабки говорили, что «там нечисто». Вот и голуби над высотными корпусами не летают, а вороны там каркают как-то по-особенному…

Виталя дал всему этому научное объяснение. Однажды, когда в дворницкой собралось несколько ребят и речь пошла о замороженном строительстве, он сказал:

– Не только в деньгах тут дело. Оказалось, что порода под зданиями ненадежная – может поехать. Вот господин Блондаренко и трясется теперь: не пришлось бы отвечать.

– Но ведь там скальный массив! – удивился кудрявый шестиклассник Игорь Лампионов, который был очень образован.

– Скальный-то скальный… – отозвался Виталя. – Да ведь бывает, что планетные массивы делятся на слои. Называются – «тектонические плиты». Эти плиты миллионы лет лежат неподвижно, а потом изнутри земного шарика поднапрет давление – и сразу начинается: вулканы, землетрясения, цунами. Вон их сколько на Земле в нынешние времена… А в наших краях геологи недавно как раз обнаружили возможность… как это они выразились?.. «локальных тектонических сдвигов»… А Зуб-то и все его соседи построены без учета этих опасностей. Посыплются – и придется отвечать. Блондаренко узнал про такое дело и начал метать икру…

– Какать козьим помётом, – заметил восьмилетний смуглый Егорка Лесов. Он любил всё уточнять.

– Егор! – ненатурально возмутилась шестиклассница Эвелина Полянская. Она была очень воспитанная (или старалась казаться такой).

– А чо я сказал? – удивился Егорка (тоже ненатурально).

Козий помёт, как известно, похож на крупные кедровые орехи. Тенька представил Блондаренко за таким занятием

в его мэрском кабинете, на ковре, и хихикнул. Но в то же время ощутил беспокойство. Казалось бы – с чего? Обломки до здешних дворов не достанут, в крайнем случае завалят пруд, но потом их все равно разгребут. Жильцы в Зубе не водятся, никто не пострадает.

Но дело в том, что жильцы в Зубе все-таки водились, только никто про это не знал. Кроме Теньки.

В небоскребе жил *Народец*. И обитал он там благодаря именно Теньке.

Дело в том, что Теньке не только нравилось читать книжки. Ему нравилось их придумывать. Это были всякие приключения, будто бы тоже вычитанные в книгах, а на самом деле просто сложившиеся в Тенькиной голове. Ляжет в постель или присядет в сквере на лавочке, и эти истории начинают копошиться, «щекочут извилины».

Истории были про всяких сказочных героев маленького роста. Про домовых, которые раньше жили в деревянных домах на берегу пруда, а потом остались бесприютными. Про красных, как губная помада, обитателей планеты Помидор. Про ожившего пластмассового солдатика – он подружился с кузнечиком Енькой (похожим на Егорку Лесова). Про летучую мышь Генриетту, которая мечтала превратиться в ласточку (и в конце концов превратилась)… Ну и что здесь особенного? Мало ли что, когда он, третьеклассник, придумывает сказки? Но дело в том, что у Теньки все эти истории

крепко застревали в голове. Их герои шебуршали там, болтали, иногда спорили и мешали Теньке думать о других делах. Им было тесно. И тогда Тенька решил переселить всех этих гномов, попрыгунчиков, заблудившихся шахматных пешек, дюймовочек и оловянных рыцарей в другое место. Можно было бы просто сказать: «Идите вы от меня подальше! Надоели!» Но это получилось бы нечестно: придумал, а потом валите на фиг! Он их все-таки любил, хотя порой и сердился…

Но куда девать эту шебуршащую толпу?

Однажды Тенька глянул через пруд, на торчащий в синеве Зуб, и подумал: «А что! Подходящее место! Всем хватит жилплощади…»

Чтобы придуманные малыши не обижались, Тенька решил всё обставить всерьез – как в еще одной книжке. Он решил переправить их через океан. Специально для этого построил кораблики из кусочков пенопласта. Чтобы все было по правде, Тенька сделал каждого выдуманного героя своими руками. Очень просто! Скручивал из бумажки трубочку, писал на ней имя и сажал такого пассажира на кораблик. Бумажных путешественников накопилось много. Корабликов пришлось мастерить больше десятка и посылать их в плавание несколько раз.

Дело было в апреле, лед на пруду уже растаял, ветер по утрам догадливо дул с Тенькиного берега в сторону высоченных новостроек. Чтобы уберечь свою тайну, Тенька отправлял кораблики утром, перед школой, когда пусто во-

круг. Белые суденышки с бумажными парусами резво убегали в дальний путь. И потом, возвращаясь из школы, Тенька ни разу не видел на серой шероховатой воде ни одного своего кораблика – ни вблизи, ни вдали. Значит, все добрались до места…

А через день после пятого, завершающего, отплытия Тенька узнал имя бумажного племени, которое поселилось в Зубе.

Дело было на уроке внеклассного чтения. Анна Евсеевна в тот раз не стала читать никакую книжку, а принялась рассказывать про свое детство. Оно, это ее детство, оказывается, протекало совсем неподалеку, на берегу пруда в Черемховском переулке.

– Какие были сады… Какие качели… Какие игры… Теперь никто уже не помнит, что такое «чижик», «двенадцать палочек», «вышибала»…

Народ протестующе зашумел: «вышибалу» знали.

– Ну и хорошо… – вздохнула Анна Евсеевна и добавила непонятно: – Значит, не все потеряно…

– А в футбол вы играли? – подкинул вопросик любопытный Гарик Сорокин.

– Ну разумеется! Тогда это в каждом переулке…

– Нет, я не про то, что в каждом, а именно про вас, – въедливо уточнил Гарик.

Кое-кто захихикал. Но Анна Евсеевна отозвалась невозмутимо:

– И я играла. А что такого? Я была не хуже мальчишек. Бывало даже, что дралась. С соседом Борькой Сазоновым…

– А драться нельзя! – обрадованно завопил стриженый и конопатый Лёх Семейкин, по прозвищу Запал.

– Конечно, нельзя. Но я поняла это позже и сразу исправилась. А тогда мне было всего десять лет…

– А мне тоже десять! А вы вчера хотели написать в дневник!..

– Но я же не написала… Поэтому сиди тихо… А однажды мы с этим Борькой и еще с тремя мальчишками отправились в плавание на плоту. Плот был с мачтой и парусом из мешков. Борька сперва не хотел брать меня, потому что плохая примета «женщина на корабле», и мы опять подр… поспорили. Тогда он взял. Только велел надеть резиновый надувной круг. Тут я не возражала – подчинилась морской дисциплине… И мы поплыли с ветерком вдоль берегов…

– И были приключения? – спросил Гарик Сорокин.

– Были. Но уже дома. Потому что соседи сообщили нашим родителям о плавании… Все равно никто из нас не жалел об этом путешествии, оно получилось восхитительным… И вообще это было замечательное время! До сих пор помню наши старые кварталы. И жалею, что их снесли. Пусть меня критикует начальство, но я всем говорю, что нынешняя новостройка на берегу – будто кость в горле у города. Особенно торчащий выше всех дом. Небоскреб-инородец…

Теньке сперва послышалось: «Небоскреб и народец»… В

самом деле! Там живет его, Тенькин, *Народец*!

Потом он, конечно, понял, о чем сказала Анна Евсеевна. Однако то, что услышалось вначале, понравилось больше и запомнилось крепко.

Конечно, выросший над берегом Зуб не подарок для города, зато маленькому *Народцу* в нем удобно, просторно и хватает места для приключений. Совесть у Теньки была спокойна. До той поры, пока Виталя не сказал про возможность обрушения. Но… скоро Тенька прогнал из души опасение. В конце концов, если эти тик… тек… тонические плиты миллионы лет лежали спокойно, с какой стати они начнут двигаться именно сейчас?..

Надо было вернуть велосипед Шурику. Тенька подкатил к дому, задрал голову к балкону второго этажа:

– Шу-урик!

Тот выглянул, кивнул:

– Сейчас…

Вдвоем они повели «кузнечика» к «стойлу», то есть к сараям, где у здешних жильцов хранилось всякое имущество. Шурик запер «коняшку», вернулся и вдруг сказал:

– Хочешь, пойдем к нам?

– Зачем? – Раньше Шурик Черепанов никогда не звал его к себе.

– Ну… так. Мама пирожки с капустой жарит.

– Не-е… Я не хочу.

То есть пирожки – это очень даже неплохо, но…

– Как я в таком наряде… Мама скажет: «Оборванец явился…» – Тенька пошевелил плечами с ветхими лямками комбинезона.

– Подумаешь! Не видала тебя мама, что ли?

Но одно дело, когда мама Шурика видела Теньку во дворе, среди потрепанной ребячьей компании, а другое – у себя дома, рядом с аккуратным, чистеньким сыном. Шурик-то был в летнем адидасовском костюмчике с лампасами и белыми трилистниками на синей блестящей ткани. В общем, такой, каким и полагается быть сыну институтского работника, который называется «доцент».

– Не, Шурик, я правда не хочу…

Тенька вдруг почувствовал, что устал. Присел в одуванчики, прислонился затылком к поленнице (тут всюду были сложены дрова, потому что в некоторых домах сохранились печки).

Шурик не уходил. Стоял в двух шагах и нерешительно смотрел на Теньку. И в Теньке тоже шевельнулась нерешительность… и виноватость. И чтобы она не царапала потом, Тенька выговорил:

– Шурик… ты это… извини меня…

Тот вытаращил коричневые глазищи:

– За что?!

– Ну, потому что… недавно… мама сказала: «Чем в комнате торчать, попросил бы у Шурика велосипед и покатал-

ся…» А я ей: «Да ну, он жадина…»

– Почему? Я же…

– Ну, так сболтнулось… Слышал недавно, как ты не дал кататься Егорке.

– Ему же нельзя! Еще шов не зарос после аппендицита!

– Я и забыл про аппендицит… Да и вообще, брякнул сдуру… Не обижайся.

– Да ладно тебе… О чем говорить… – пробормотал Шурик. Встряхнулся: – Подожди, я сейчас…

Он вдруг бросился к соседней поленнице, сложенной у кирпичной стенки. Ловко забрался по торчащим бревнышкам на гребень, покачался на краю. Гибкий, как маленький гимнаст из книжки «Гуттаперчевый мальчик». Похоже, что он, как и Тенька, ничуть не боялся высоты. Потом Шурик шагнул к стенке, покачал и вынул два кирпича. Что-то достал из открывшегося тайника, спрятал под рубашку. И плавно спрыгнул (просто слетел, как птица!) к Теньке. Присел на корточки. Оттянул на животе рубашку:

– Вот…

В траву упали плотные брусочки пенопласта.

Тенька… он и удивился и засмущался: выходит, Шурик что-то знает?

А тот и не скрывал:

– Я видел два раза, как ты пускаешь кораблики. Издалека смотрел… И подумал: может, тебе такие кубики пригодятся… Да ты не бойся, я никому не скажу. Я же понимаю, что

у тебя своя игра, для одного…

– Я не боюсь… – бормотнул Тенька.

И захотелось почему-то узнать: «А у тебя есть своя игра?» Но не решился. Поднял кусок пенопласта, потер о коленку. На ворсистой материи осталось белесое пятно. Он помусолил мизинец и провел им по пятну – появилась темная полоска. «Будто котенок мазнул хвостом…» – подумалось Теньке (у него иногда проскакивали в голове неожиданные сравнения). Он вскинул глаза на Шурика.

– Ты не знаешь, где можно достать кошку?

Шурик уточнил без удивления:

– Чтобы жила у тебя?

– Ну да… – Тенька снова потер пенопластом штанину.

– Если беспризорную, то нетрудно найти. – Шурик подошел к вопросу со всей серьезностью. – Но тебе ведь надо, наверно, не тощую, не грязную…

– Да хоть какую! – вырвалось у Теньки с неожиданной печалью. – Я бы откормил… Главное, чтобы рядом сидела почаще…

– А… твоя мама разрешит?

– Конечно, не разрешит… сначала. А потом куда денется?

– Моя бы сказала: «Убирайтесь оба…» – грустно сказал Шурик.

– Ну так это сначала… – повторил Тенька.

– А какую тебе надо? Котенка или уже большую?

– Да хоть какую… – опять сказал Тенька и чуть не доба-

вил: «Только бы мурлыкала», но постеснялся. – Лучше бы молодую. Не совсем котенка, но и не полностью взрослую. Котята еще глупые, а пожилые… у них свой характер. Могут не привыкнуть к новому хозяину…

– А кого лучше? Мальчика или девочку?

– Да все равно… – «Лишь бы урчала, когда гладят…»

– А какой расцветки? – не отступал Шурик.

– Да не все ли равно! – В Теньке уже царапнулась досада на Шуркину дотошность. И, чтобы спрятать ее, он сказал: – Можно разноцветную. Я про такую читал в книжке писателя Куприна. Ее звали Ю-ю…

– Интересное имя, – одобрил Шурик. И пообещал: – Хорошо, Тень. Если увижу подходящую кошку, сразу тебе скажу…

Кошка вскоре появилась, но без помощи Шурика. И Тенька не стал называть ее Ю-ю. Потому что к тому времени это слово для него приобрело другое значение. Совсем не ласковое…

«Деревянные» шаги

В понедельник пришлось идти на уроки в полном школьном костюме – в штанах со складками от утюга и в твердом, будто картон, пиджаке (он так и не обмяк за весь учебный год). И даже в белой рубашке с галстучком. Анна Евсеевна еще на той неделе специально пришла ненадолго с больничного и предупредила:

– Все должны *выглядеть*. На классный час к вам придут гости.

Третий «Б» заныл. Какой там еще классный час, он бывает по пятницам! И вообще, хватит мучить детей перед каникулами…

– Цыц! – добродушно сказала Анна Евсеевна. – Это распоряжение гороно… А если смотреть глубже и дальше, то не гороно и даже не министерства, а Организации Объединенных Наций. То есть ООН.

– ООН в Америке, а мы при чем? – не поверил конопатый Лёх Запал.

– Добрались и до нас… – объяснила Анна Евсеевна с грустно-сердитой ноткой. И попросила: – На собрании, при посторонних, ведите себя воспитанно. Тем более что меня не будет: врачи еще не выписывают.

Значит, по-прежнему будет Зинаида Ивановна. Ну что ж…

Зинаида Ивановна была молодая, работала первый год. Она учила третий «А» и время от времени, в другую смену, заменяла Анну Евсеевну – когда ту одолевали всякие хвори или не менее важные дела. В общем, свой человек. И хороший тем, что на ее уроках можно было резвиться посмелее, чем у Анны Евсеевны.

Зинаида Ивановна провела урок математики (прямо скажем, через пень колоду) и диктант.

«Ох и грамотеи! Вот покажу ваши писания Анне Евсеевне, что она скажет…» – «А вы „не показывайте!“» – «А ты, Кропоткин, не пиши слово „кандидат“ через „о“. Такая образованная личность, а ляпаешь ошибки…» – «Я не ляпаю! Это от слова „кондовый“, то есть „тупой“. Сперва „кондидаты“, потом депутаты. Вон вчера по телику…» – «Сядь, оратор! На следующем уроке всех спрошу стихи, которые задавала Анна Евсеевна…» – «А она не задавала!» – «Сорокин, не считай меня совсем дурочкой».

Классный час был четвертым уроком.

Когда все расселись и даже малость притихли, ожидая неизвестных гостей, у Теньки вдруг ёкнуло сердце. Да, именно ёкнуло – перестукнуло, выбившись из ритма, и замерло на миг в нехорошем предчувствии. Потому что он услышал *шаги*.

Память об этих *шагах* сидела в нем с осени позапрошлого года. С тех дней, когда решалась (и чуть не сделалась жуткой) его, Тенькина, судьба. Потом, когда все осталось по-

зади, память эта съёжилась в комочек, притихла в дальнем уголке души и почти не просыпáлась. Зачем ей просыпаться, если *тех событий* никогда больше не может случиться! (Скорее уж, и правда сдвинутся тектонические плиты под Айзенверкенбаумом.) Но вот теперь память ожила, отозвавшись на далекий (для других неразличимый, наверно) деревянный стук.

Туп… туп… туп…

Так ходили по тоскливым учреждениям *те самые тетки*. Похожие на тяжелые колоды с деревянными лицами без губ. Ноги у них тоже были деревянные – бревна. И башмаки – утюги из дерева. И стучали они по паркетным плиткам в конторах всяких опекунских представителей, адвокатов, следователей и судебных приставов – там, где на жестких скамейках прижимался к маме восьмилетний Степан Ресницын. Ступали так, будто этими твердыми плитками были вымощены не только те казенные коридоры, но и весь земной шар.

Туп… туп… туп…

Тетки и говорили «деревянными» голосами. В их словах была правильность обточенных кубиков.

– Мальчик, у папы тебе будет лучше. Там все условия…

– Нету там условий!

– …и он тебя любит…

– Не любит!

– Не спорь. А с мамой ты не можешь быть: ей надо ле-

читься.

– Врете!

Маме не надо было лечиться! Она и так после аварии отлежала два месяца в больнице. А теперь шрам на щеке зарос. Остались следы швов, но щека совсем не болела, мама это не раз повторяла, успокаивая Теньку.

…Мама работала помощником главного гримера в Драматическом театре имперского департамента культуры. Про нее говорили: «Мастер своего дела, талант». И она вообще была талантом, не только в профессии гримера. Ее даже приглашали иногда принять участие в спектакле, хотя и в маленьких ролях. Потому что она была красивая… А потом…

Группа артистов отправилась в соседний Железнодольск, чтобы дать спектакль в клубе завода «Хромпик». Артисты ехали в автобусе, а режиссер и мама – в директорской «Волге». На обратном пути «Волга» зацепила встречный фургон и перевернулась. Водителю и режиссеру – хоть бы что, а маме разбившимся стеклом изрезало левую сторону лица. До костей…

Два месяца, пока мама лежала в хирургической клинике, Тенька жил в состоянии окостеневшего страха. «Лишь бы она не умерла…» Отец говорил, что мама не умрет. «Надо только, чтобы она преодолела себя, не впадала в отчаяние. Ну да, останутся следы. Но это же не смертельно…»

Они с отцом навещали маму. Она старалась держаться бодро, ее глаза блестели среди бинтов. Тенька трогал бинты

щекой и гладил маму по плечу. Один раз она не выдержала, всхлипнула:

– Была твоя мама красивая, а теперь станет… инвалид…

«Это же не смертельно», – хотел сказать Тенька, но слова были не его, а отцовские, и он сказал по-своему:

– Не будешь ты инвалид… потому что все равно будешь… моя…

Шрам оказался похож на отпечаток ветвистой красной молнии. И щека теперь казалась вдавленной внутрь. Но Тенька не боялся смотреть на щеку со шрамом. Он осторожно гладил ее и говорил:

– Ну и что? Мама, ты… все равно…

Мама – она же была мастер. Она знала, как работать с гримом и сглаживала шрам с помощью всяких кремов и красок. Он становился бледным, слаборазличимым. Только вот вмятина на щеке никуда не девалась. Мама стала делать прическу, при которой часть волос гладким темным крылом прикрывала левую щеку. Все время так ходить было неудобно, однако если при гостях или в людном месте, то выглядело, будто специальная такая стрижка…

Но не все шло гладко. Из театра мама уволилась. Ей было трудно среди людей, которые раньше помнили ее очень симпатичной и веселой.

– Глупости это, – говорил ей отец. – Надо быть сильнее обстоятельств.

Мама отвечала, что так могут рассуждать пропитанные

бензином авиатехники и запасные штабс-майоры (папа как раз и был таким). А она из другого теста. И стала домохозяйкой.

Но после шумной театральной жизни быть домохозяйкой оказалось трудно. Чтобы заглушить печали, мама раз-другой купила бутылку красного вина «Каберне», потом портвейна. А затем и чего-то покрепче… Это случалось обычно, когда отец уезжал в Светлокаменск, на авиаремонтный завод, в командировку. А уезжал он часто. Когда мама выпивала бутылку, она делалась какая-то незнакомая. Бодро мурлыкала песенки, рассеянно гладила Теньку по голове, потом садилась к столу, подперев голову, и неподвижно смотрела перед собой.

– Мама, ты лучше ложись… – осторожно просил Тенька.

Мама послушно ложилась лицом к стене и опять замирала. Тенька, тоже замерев, сидел у кровати. В горле вырастал колючий шарик…

А один раз она не сумела добраться от стола до кровати, опустилась на колени. Потом все-таки подползла к постели, упала на нее, свесила голову. Ее затошнило.

Перепуганный Тенька бросился в соседнюю квартиру, к знакомой тете Тасе. Тетя Тася долго пыталась привести маму в чувство, а потом вызвала неотложку…

Худой насупленный врач и пожилая медсестра сделали маме укол и компресс. Когда уходили, медсестра погладила всхлипывающего Теньку по голове и сказала тете Тасе:

– Довела себя… Хоть бы ребенка пожалела…

Отец, конечно, про все узнал. Закаменел лицом. О чем они с мамой говорили, Тенька не слышал – ёжился в другой комнате. После этого мама целый месяц не брала в рот *ничего такого*. А потом опять…

Нет, были, конечно, и светлые дни, когда казалось, что все стало как раньше. Втроем ходили в кино и зоопарк, сидели вечером у телевизора. Но потом… мама шла на кухню и чем-то звякала там. Уже не очень скрывала это от мужа и Теньки…

Запасной штабс-майор Ресницын был человек прямой и крепкий. Однажды он сказал:

– Для меня самое главное – работа. Я не могу разменивать ее на семейные драмы. Давай что-то решать…

– Что именно? – вызывающе отозвалась мама.

Ничего решать она не стала, только покрепче обняла Теньку, а он замер.

Отец все решил сам – подал на развод. Сказал, что оставит маме квартиру («и живи как хочешь»), а они с Тенькой переедут в Светлокаменск – там на заводе инженеру Ресницыну давно предлагают хорошую должность. («В конце концов, кто-то должен в империи думать о ремонте самолетов».)

– Можешь ехать, – ответила мама. – Тем более, что всем известно, *кто там у тебя есть, в Светлокаменске*. А сын останется со мной.

– Степан поедет ко мне…

– Нет! – Тенька вцепился в маму.

Видимо, в этом «нет» была такая крепкость, что отец отступил от сына. Но не отступил от своих планов. Он снял комнату и стал жить отдельно. А маму начали вызывать на всякие комиссии и к судьям. Иногда с Тенькой…

С той поры Тенька возненавидел отца. Даже непонятно, как он мог с такой силой возненавидеть человека, которого недавно любил. А мама перестала пить (как потом стало ясно – раз и навсегда). И устроилась на работу в артель «Золотая нить» – там выполняли заказы для театра: шили костюмы, украшали узорами камзолы и шляпы. Делали и всякую другую работу: готовили на продажу в киосках коврики, скатерти, салфетки, халаты… Мама брала работу на дом. Руки у нее были волшебные, как у Золушки. Узоры на материи получались просто сказочные (так, по крайней мере, виделось Теньке). А еще мама поступила на должность вахтера при общежитии Торгового института. Общежитие было недалеко от дома, в бывшем особняке Карпухина. А вахта находилась в пристройке этого особняка. Можно было дежурить и шить одновременно и за Тенькой присматривать нетрудно…

Но все эти изменения в маминой жизни оказались напрасными. Дело о разводе раскручивалось в разных судейско-адвокатских конторах, отец не хотел его прекращать. А при встречах с Тенькой говорил:

– Почему ты не хочешь ко мне? Будем жить по-мужски. Будем ходить в горы. Попрошу знакомых летчиков покатать тебя на самолете. Ты же не боишься высоты, а?

– Не хочу, – угрюмо отвечал Тенька.

– Но *почему?*

– Хочу с мамой…

– Вас же никто не разлучает навсегда. Ты будешь навещать ее. А она тебя…

– Я хочу с ней всегда…

– Маме надо лечиться. Ей придется подолгу лежать в больнице.

– Не придется. У нее все прошло.

– Если бы…

– Не «если бы», а прошло.

– Тень, давай договоримся по-хорошему. Суд все равно решит, чтобы ты жил со мной.

– И меня, что ли, не спросят?

– Детей не спрашивают.

– Дети, что ли, не люди?

– Не спрашивают, вот и всё. Не положено по закону…

От обиды и злости начинало звенеть в голове.

– Значит, это паршивые, сволочные законы! И суд твой паршивый! Террористы!

– Это тебя мать таким словам научила?

– Ты научил! И твои гадские судьи!

– Пусть гадские, но они решат – никуда не денешься.

– Денусь! Убегу!

– Поймают.

– Пусть поймают! Снова убегу!

У отца твердели гладко выбритые скулы.

– Снова поймают. И отправят в спецприемник для малолетних нарушителей.

– Убегу из приемника… Пускай хоть в наручники закуют. Или не стану ничего есть. – Он был уверен, что сможет сделать все это. Ради мамы…

Отец объяснил откровенно:

– Тогда тебя поместят в детскую психбольницу. А там с помощью уколов превратят в послушного, как тряпичная кукла, мальчика…

– Ты этого и хочешь, да? – сказал отцу второклассник Ресницын.

Тот обмяк.

– Я хочу, чтобы мой сын жил со мной.

Они разговаривали на скамейке во дворе.

Желая разозлить отца (чтобы психанул и наконец отстал от него), Тенька нагло сказал:

– Живи с тем, кто у тебя есть! Со своей бабой!

Отец не разозлился. Только мигнул белесыми ресницами.

– Нет у меня никакой бабы… Эх ты…

Лучше бы ударил и плюнул (хотя никогда пальцем не трогал). Но он встал и ушел, слегка согнувшись… Ну и ладно. Тенька решил, что на этом дело закончено. Оказалось, однако, что до конца далеко.

Были встречи с какими-то инспекторами, адвокатами, судьями. С «деревянными» тетками. Все уговаривали маму,

уговаривали Теньку, как ему будет хорошо с папой. «А иначе – приют для трудновоспитуемых…» Седой мамин адвокат Борис Евгеньевич сказал одной такой «деревянной»:

– Посмотрите, это живой человек. А вы рассуждаете о нем, как о предмете мебели. Будто решаете, в какую квартиру поместить эту тумбочку. Почему вы не спрашиваете *его*?

– Потому что дети еще не в состоянии решать такие вопросы!

– А как быть с правами детей, которые вы будто бы защищаете?

– Именно *защищаем*. Не «будто бы»… Мальчик, ответь, наконец, ясно! Ты хочешь жить у папы?

– Не-ет!!

В этот крик он вложил столько ярости и отчаяния, что все притихли. И Теньке показалось, что уж теперь-то его и маму оставят в покое.

Не оставили…

На судебное заседание в начале октября Теньку не взяли. Видимо, решили, что не о чем там его спрашивать, и так все ясно. А может быть, потому, что у него болело горло. Мама вернулась из суда под вечер, уже в сумерках. Глянула с порога мимо Теньки и виновато.

– Что? – с тоскливым ожиданием спросил Тенька. – Что решили?

– Да не все ли равно, что решили, – с ненастоящей бодростью отозвалась мама. – Не будут же нас разлучать силой.

Думаю, с папой мы договоримся по-хорошему. Не захочет же он, чтобы… вот так… – Она говорила это и Теньке, и соседке тете Тасе, которая была у них в квартире, смотрела телевизор, а теперь вышла на порог.

– Ма… – в тихой панике выдохнул Тенька.

Мама прижала его.

– Да не бойся. Это все будет решаться еще не сейчас. Адвокат обещал подать протест…

Наверно, она и правда верила во все это: и что есть еще время, и что будет протест… Потому что на следующий день ушла на дежурство, оставив Теньку опять с тетей Тасей. Одного его оставлять она не решалась: могут обвинить, что бросает восьмилетнего мальчика без надзора.

Тенька со вчерашнего вечера успел успокоиться. Думал опять, что, наверно, все в жизни наладится. Ну не могут же схватить его, как бездомного щенка, и утащить туда, куда он не хочет!

Оказалось, что могут.

Высота

Около двенадцати часов позвонили в дверь. Сразу все охнуло внутри у Теньки.

– Не надо!.. – выдохнул он в спину тете Тасе, которая пошла открывать.

Он сразу почуял, *кто там*. Но она ничего не почуяла. Даже в глазок не глянула – открыла сразу. Потом объясняла: «Я думала, это твой папа пришел…» Пришел, конечно, не папа. В дверь вдвинулись две одинаковые «деревянные» тетки, крепкий дядька в белом халате и еще один дядька – бритоголовый, в похожей на мундир куртке.

– Квартира Ресницыных… – не то спросил, не то просто сказал Бритоголовый прокуренным голосом. – Все как надо… – И кивнул остальным: – Приступайте.

– Ты – Степа Ресницын? – обратилась к Теньке «деревянная» в пушистом розовом шарфике. Голос был такой, словно дубовую колоду попытались украсить ромашкой.

Тенька попятился.

– Мальчик, собирайся, – велела другая тетка. – Ты поедешь к папе.

– Папа… в командировке… – выговорил Тенька.

Он знал от мамы, что сразу после суда отец срочно уехал в Светлокаменск. И теперь, говоря эти обыкновенные слова, он как бы цеплялся за остатки прежней, обыкновенной жиз-

ни.

– Папа в командировке, – подтвердила тетка в шарфике (и в голосе ее уже не было ромашки). – А ты сначала поедешь в больницу. Тебя обследуют. Это полагается при переселении в новую семью… Видишь, у тебя и горло завязано, похоже, что ангина.

– Непо… – хрипло выговорилось у Теньки. А в ушах свистело, как от ветра.

– Оденьте мальчика, – тусклым голосом велел дядька в белом халате.

– Но он же болеет… Ему нельзя… – не сказала, а скорее пискнула тетя Тася.

– Вы его мать? – глядя мимо тети Таси, спросил Бритоголовый.

– Я… соседка. Но я…

– Ну и не суйтесь, если соседка, – сказала тетка в шарфике. – Соседок нам здесь не хватало!..

– Мы выполняем решение суда, – добавила другая.

– Но нельзя же так… Без спросу в квартиру… Без матери… У вас есть документы?

– Есть, но не для вас, – объяснил Бритоголовый.

Тетя Тася кинулась к тумбочке с телефоном.

– Я позвоню его маме!

– Стоять! – приказал Бритоголовый. – Я сотрудник подразделения судебных приставов. И мама тут ни при чем. Даже хорошо, что ее нет.

«Разве может быть хорошо, если мамы нет?!» Свист в Тенькиных ушах нарастал. А чужие слова пробивались сквозь него толчками.

– Лучше найдите ребенку одежду. Не ехать же ему налегке, – сказал тот, что в халате.

Тенька был одет по-домашнему: в колготках с рисунком из мелких звездочек, в махровых шортиках и пушистом свитере. Для простуженного ребенка в теплой комнате – в самый раз. А на улицу не потащишь.

Тетка в шарфике раздраженно сказала тете Тасе:

– Найдите же его одежду!

– Я… я здесь ничего не знаю…

Тот, что в халате, шагнул к Теньке (от белого полотна пахло поликлиникой).

– Где твои штаны и куртка?

Тенька шарахнулся, как от громадного таракана. Дядька взял его за плечо.

– Давай ищи… А-а-а!!!

Никогда никого Тенька не кусал. Даже в голову такое не могло прийти. Но сейчас он вцепился зубами во влажную, воняющую спиртом руку с отчаянной силой. И отлетел от яростного толчка. И вскочил. И ударом спины вышиб наружу балконную дверь.

Весу-то в нем было как в скворчонке, но он вышиб. И в охватившем его холодном запахе осенних листьев почуял, что с этого мига началась другая жизнь. Совсем другая.

Во-первых, пространство вокруг сделалось удивительно большим. И в этом пространстве не было для Теньки никакого страха. Отчаяние было, злость, сжатые слезы, но не страх. Он и раньше не боялся ни высоких крыш, ни полётов на качелях, ни беганья по кромкам заборов, ни прыганья в тонких ветках тополиных верхушек. Не раз получал от мамы полновесные шлепки. («Обезьяна бессовестная, уморишь себя и меня!») Но только посапывал, протирая «воспитательное» место.

Но тогда была обычная безбоязненность, а теперь полное *бесстрашие*. Потому что страшнее того, что надвинулось, произойти уже не могло. Сейчас это был совсем иной Тенька. Готовый на всё. Если отберут от мамы, все равно он не станет жить. Колыхание пустоты под балконом и вокруг не пугало ни капельки. Спиной вперед он прыгнул на перила, покачался над желтым от октябрьских кленов двором. Увидел в распахнувшемся дверном проеме белые лица, круглые глаза и рты.

– М-ма… ма-маль… мальчик, не надо… Снимите его… Осторожно…

Но никто не двигался.

Попробовали бы только!

Пустота гудела вокруг, и в этом гудении было горькое торжество. Второклассник Степан Ресницын сказал плоским бледным рожам:

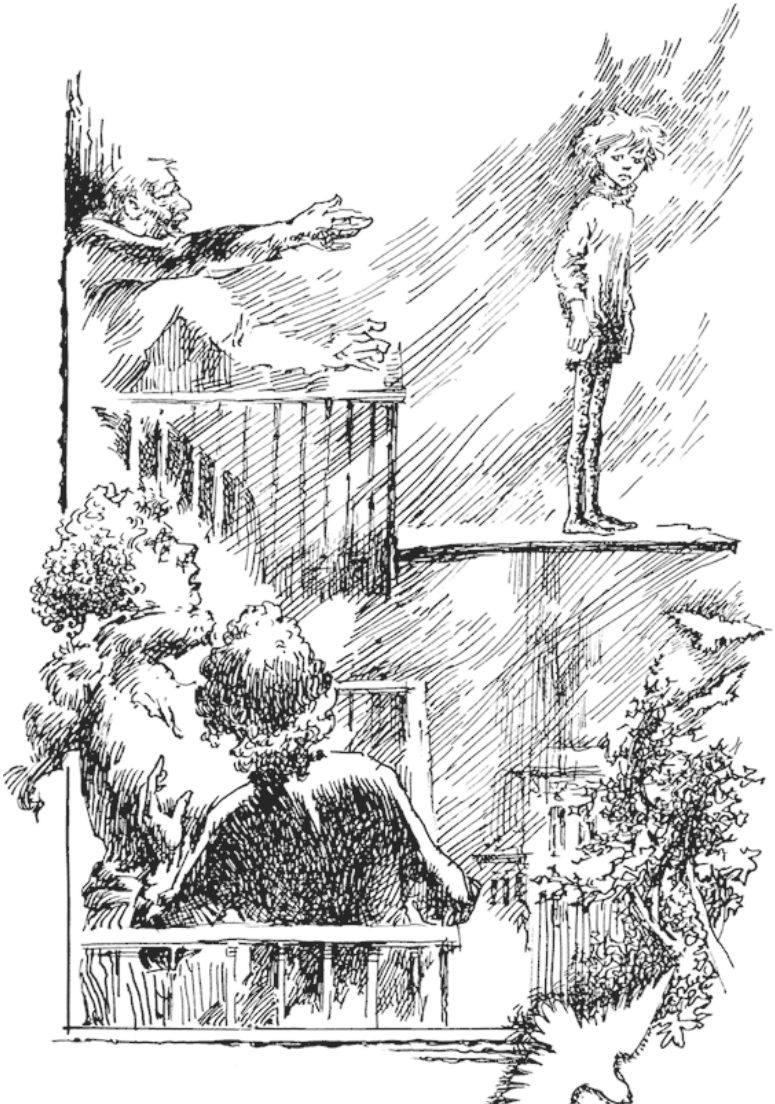
– Только суньтесь, гады. Я прыгну вниз. Будете отвечать…

– М-ма… Маль…

– Тенечка… – Это тетя Тася. (А зачем открыла дверь, дура!)

Тенька переступил тоненькими, со звездчатым рисунком, ногами, размотал с шеи бинт, бросил за спину. Помахивая ладонями, прошел по перилам до края балкона. Сделал шаг влево, к стене, и прыгнул на карниз.

Раньше он бы не решился на такой трюк, но теперь даже ни на миг не замер. Карниз, тянувшийся под всеми окнами этажа, был узкий. Чуть шатнешься – и прощай равновесие. Но Тенька не шатался. Да и ветерок помогал – словно подталкивал мягкой ладошкой между лопатками. Прижимаясь грудью то к штукатурке, то к стеклам, Тенька продвинулся к другому балкону. Это был балкон тети Таси. Тенька снова вскочил на перила.



Он понимал, что нет смысла пытаться проникнуть в квартиру. Вся орава наверняка сейчас ворвется туда с лестничной площадки, ухватят его в четыре охапки. Но с балкона уходила в пустоту толстая доска. Ближний конец ее был зажат под крепким порогом балконной двери, а дальний нависал над двором в двух метрах от перил. Тетя Тася иногда вывешивала на этой доске выстиранные половики. Щуплый пацаненок был ничуть не тяжелее набухших, сплетенных из тряпичных жгутов половиков.

Доска кончалась в метре от верхушки векового клена. Тенька легко спрыгнул на доску. Она запружинила. Но и это оказалось нестрашно. Тенька ощущал себя хозяином пространства. Он, легко балансируя, пошел к дереву. Сзади что-то сдавленно голосили.

Тенька словно впитал в себя упругость доски. Снова покачался, соразмерил свою махонькую тяжесть с ритмом размаха и кинул себя в пахучую листву кленовой верхушки. В чащу желтых разлапистых ладоней и сухих крылатых семян.

Чаща дружески подхватила его, не дала испугаться, побаюкала среди веток. За одну такую ветку Тенька схватился, передохнул. Осторожно передвинулся пониже – туда, где сучья были прочнее. Здесь он уже бывал – когда спасал улетевший от малыша Егорки Лесова пластмассовый вертолет (и все тогда хвалили Теньку, а мама снова дала шлепка). Теперь он удобно лег животом в знакомую развилку.

А что было делать дальше? Скорей спускаться и мчаться к маме?

Но это раньше мама казалась всесильной, а сейчас Тенька понимал: она не спасет. Сильнее, чем мама, *решение суда*. Почему, по какому праву этот дурацкий суд решил отнять родного сына у мамы, понять было нельзя. Потом, когда Тенька вырастет, он отдаст все силы, чтобы на свете не стало таких судов, таких «деревянных» теток, таких бритоголовых мужиков со стеклянными глазами. Но когда это еще будет…

И Тенька первый раз всхлипнул. И посмотрел сквозь ветки на двор.

Среди веток и листьев был разрыв. То, что делалось внизу, было видно хорошо. Там толпилось много людей. Конечно, «деревянные» тетки, дядька в белом халате, бритоголовый тип. И соседи из разных подъездов. И ребята. Все стояли задрав головы. Что-то вскрикивали, но слова были неразличимы. Лишь один крик оказался разборчивым и ясным. Шестиклассник Юрка Жегалин, по кличке Жох, известный в обоих дворах «трудный подросток», звонко посоветовал:

– Ресницын, не сдавайся этим фашистам!

Гвалт сделался громче. Но в этот момент, аккуратно отодвинув Жоха, шагнул вперед местный участковый Михаил Аркадьевич, подпоручик Куликов. Он запрокинул голову. Твердая фуражка упала в желтую траву. Куликов поднял ее, надел на Жоха и снова глянул вверх.

– Тенька, – сказал участковый в наступившей тишине, –

ты вот что. Давай аккуратненько спускайся ко мне.

– Нет!.. – хрипло выкрикнул Тенька.

– Тень, послушай, – громко, но мягко снова сказал Михаил Аркадьевич. – Ты спускайся ко мне. Я тебя никому не отдам. Кроме мамы… Тень, честное слово.

– А где мама? – шумно всхлипнул наверху Тенька.

– За ней пошли. Скоро придет.

Тенька стал спускаться. Теперь не было в нем прежней злой отчаянности, он обмяк. И понимал, что надеяться можно только на подпоручика Куликова.

Куликов никогда не обманывал ребят. И ни к кому не придирался зря. Двадцать лет назад он сам был мальчишкой с этих дворов, и пожилые обитатели здешнего квартала помнили его лохматым Мишкой в мятых джинсах и выцветшей ковбойке. Можно было бы его назвать тогда сорванцом, но точности этого слова мешали круглые очки, которые носил в ту пору Мишка (отличник был, между прочим). Потом он зрение подлечил, от очков избавился, но его ребячья кличка Адвокат изредка вспоминалась до сих пор.

«Михаил Аркадьевич, вы в самом деле будто адвокат! Я вам официально заявляю, что этот Юрий Жегалин пытался вскрыть мой сарай, а вы…»

«Но уважаемая Изольда Кузьминична, не мог он в указанный вами отрезок времени вскрывать сарай, поскольку мною установлено, что в тот момент он испытывал на пустыре самодельный пугач системы «Запальник». Действие тоже

не совсем правомерное, но к вашему сараю касательства не имеющее».

«Какая разница, что он испытывал! Все равно!..»

«Разберемся…»

Куликов после школы закончил юридический институт, но стал почему-то не адвокатом, а сотрудником имперской милиции. В таком качестве где-то повоевал, вернулся с двумя медалями, но без лишних звездочек на погонах. Видимо, этим обстоятельством был не очень огорчен, женился на учительнице рисования из ближней (но не Тенькиной) школы, поступил на должность участкового и для начала прикрыл дохленький притон мелкого наркоторговца по кличке Крыша (прежние участковые делали вид, что притона нет). Говорят, Крыша за это даже стрелял в Куликова, а тот стрелял в ответ и попал Крыше ниже поясницы. Но это, скорее всего, были просто легенды Карпухинского и Макарьевского дворов…

Тенька при общем молчании спустился с клена, это было нетрудно – с ветки на ветку, потом по бугристому стволу. Затем прыгнул к участковому и сразу вцепился в него. Прижался грудью. Задрожал. Михаил Аркадьевич сдернул с себя форменный сюртук, закутал Теньку с плечами и ногами. Тенька далеко высунул голову и тонко сказал «деревянным» теткам:

– Только попробуйте схватить! Я все равно убегу! Хоть из тюрьмы. И снова заберусь вверх. И тогда обязательно прыг-

ну!..

Собравшиеся неразборчиво загалдели.

– Молодец, Ресницын! – сказал хулиган Жегалин.

– Не надо прыгать, Тень, – попросил лейтенант Куликов. И пообещал: – Разберемся.

Бритоголовый шагнул вперед.

– Спасибо, господин подпоручик, что задержали. Помогите нам сопроводить ребенка до больницы.

– Зачем? – спросил Куликов, придерживая Теньку за спину.

– Так полагается. Пока нет отца… и… такое правило…

– А где отец? – сказал участковый.

– Он в срочной командировке, – заговорила тетка в шарфике (словно посыпались оструганные кубики). – Но он поручил представителям Опеки… то есть нам…

– Документы, – прохладным тоном проговорил старший лейтенант.

– Вот… Если вы нам не верите, то вот… – обиженно заговорила тетка без шарфика и вытащила из клеенчатой сумки какую-то бумагу.

Куликов глянул в нее мельком.

– Здесь не сказано, что вы имеете право забрать мальчика.

– Но есть решение суда, что мальчик должен жить с отцом. А пока отца нет, сын побудет в больнице и приюте.

Несмотря на форменный сюртук, Тенька опять содрогнулся от озноба.

– Отец это знает? – без всякого выражения спросил подпоручик.

– Разумеется! – вскинулся Бритоголовый. – Он вчера прямо на суде дал согласие…

– Документы!

– Какие документы? – скандально переспросил Бритоголовый.

– Подтверждающие согласие отца, чтобы мальчик поехал с вами, – очень терпеливо разъяснил Куликов.

– Но вчера он сам…

– Документы!

– Вы препятствуете выполнению судебного решения, – увесисто проговорил Бритоголовый. – Я сотрудник подразделения судебных приставов…

– Я препятствую нарушению закона, – утомленным тоном разъяснил участковый. – В дом, расположенный на вверенной мне территории, явились четыре человека, самовольно проникли в жилище гражданки Ресницыной, когда ее не было дома, и, не предъявив никакого ордера, решения или постановления, пытались увезти с собой больного мальчика. Данный факт можно расценивать как попытку похищения. Мальчик вынужден был спасаться бегством…

– Он причинил мне увечье! – неожиданно тонким голосом вскричал дядька в халате. И замахал кистью руки. На ней краснели два полукруглых отпечатка Тенькиных зубов.

Среди собравшихся ребят послышалось хихиканье.

– Мальчик действовал в рамках необходимой самообороны, – со сдержанным удовольствием разъяснил подпоручик имперской правоохраны. – А вы подвергли его жизнь опасности, что я вынужден буду зафиксировать соответствующим актом…

– Фиксируйте чем хотите. А мальчик поедет с нами! – заявил пристав. И потянул к Теньке растопыренные пальцы.

– Руки… – тихо сказал участковый. И сделал легкое движение ладонью. И слегка задел висевшую на брючном поясе маленькую желтую кобуру. И, видимо, совершенно случайно при этом расстегнулся замочек на кожаной крышке.

Бритоголовый отдернул руку.

– Вы ответите… – просипел он, – за свой… поступок…

Михаил Аркадьевич снисходительно кивнул.

– Господин пристав, если бы вы знали, сколько раз мне приходилось отвечать за свои поступки… А вот и гражданка Ресницына…

Тенька увидел, как через двор спешит мама – с растрепанными волосами, в сбившейся косынке. Он толчком оторвался от Куликова и вцепился в маму.

– Ирина Матвеевна, – казенно произнес участковый, – в силу нестандартности обстоятельств я прошу вас быть сегодня рядом с сыном и не впускать в квартиру незнакомых людей, если они явятся без меня.

– Да, конечно. Я отпрошусь с работы…

– У вас есть номер телефона вашего мужа? Сотовый…

– Нет, он его сменил.

– А телефон предприятия, куда он уехал?

– Да-да… Я напишу… сейчас… Это ремонтный завод.

– Я сегодня на своем месте. Мой номер у вас есть. Если что – звоните сразу.

– Да… хорошо.

– Я вас провожу до подъезда. Чтобы забрать свой вицмундир…

Несколько часов Тенька и мама, обнявшись, провели на диване. За крепко запертой дверью. Почти все время молчали. В начале шестого позвонили в дверь Куликов и… отец. Оказалось, отец прилетел на заводском вертолете по звонку участкового. Как выяснилось потом, Куликов сообщил инженеру Ресницыну, что не может допустить прыганья мальчиков на двор с высоты шестого этажа. Это, мол, нарушает общественный порядок и нервирует жильцов на вверенной ему, участковому, территории… Теперь они шагнули через порог вдвоем. Отец посмотрел на Куликова и тихо спросил:

– Михаил Аркадьевич, ну а вы-то зачем? Я сам как-нибудь…

– Дак ведь служба… – деликатно вздохнул подпоручик.

– Михаил Аркадьевич… мы офицеры. Я даю слово, что не предприму… никаких действий.

– Ну и добро, – как-то по-простецки согласился участковый и шагнул назад. А перед тем, как уйти, подмигнул Теньке.

Это подмигивание не подбодрило Теньку. Он затравленно глянул на того, кто недавно был «папа», а потом стал «отец» или просто «он». И прежний – тот же, что в полдень, – страх навалился на Теньку. И так же быстро исчез. Чего было бояться? Тенька знал, что делать! Снова засвистело в ушах.

Тенька опять ударил спиной балконную дверь и вскочил на перила. И вновь оказалась вокруг спасительная, нестрашная пустота. Но в тот же миг метнулась мама, обхватила его за ноги, стиснула…

Отец смотрел издалека. Сказал спокойно:

– Степан, не дури. Я не потащу тебя против воли… Ирина, где здесь писчая бумага?

– Что?.. Где всегда… – сбивчиво отозвалась мама. И сдернула Теньку с перил.

Но в комнату они не пошли. Смотрели, как отец взял с полки несколько чистых листов, сел к столу, поцарапал вынутой из-за пазухи авторучкой. Что-то бормотнул, пересел к столику с компьютером. Включил, защелкал клавишами.

Щелкал долго. Затем вставил бумагу в принтер. Принтер не хотел включаться, отец, кажется, чертыхался. Принтер загудел, выдал два листа. Отец перечитал, расписался. Все это – при общем молчании.

Один лист он сложил и убрал во внутренний карман. Другой положил на край столика.

– Ирина, возьми. Это заявление, что я не претендую на совместное проживание с сыном. Наверно, будет новая воло-

кита в суде, но… что ж… – И резко встал. – А компьютер… извини уж… я скоро заберу, это мое имущество. В своей работе я без него как без рук… Через месяц я насовсем переезжаю в Светлокаменск.

– Бери что хочешь… – сказала мама. Все еще с балкона.

Отец пошел из комнаты и обернулся на пороге. Зачем-то включил свет.

– Степан…

– Что? – дернулся Тенька.

Отец смотрел непонятно. На бледной щетинке скул и на белесых ресницах от лампочек блестели искры.

– Ничего… – негромко сказал отец. – Смотрю… Да – сын… – И ушел.

Что-то нехорошо царапнулось в Теньке. Он чуть не заплакал. А мама в это время отчаянно читала оставленный отцом лист…

Через несколько дней отец в самом деле забрал компьютер. Вернее, прислал за ним своего помощника. Ну и пусть! Не надо никакого компьютера, ничего не надо, лишь бы с мамой!..

Несколько дней мама провожала Теньку в школу, встречала после уроков, хотя школа была рядом, на улице Розы Люксембург (кто это такая, Тенька не знал, но после встречи с «деревянными» тетками ему стало казаться, будто так зовут ту, что с шарфиком). Мама, наверно, боялась, что Теньку могут все-таки ухватить и сунуть в машину какие-нибудь

представительницы или приставы. Ищи-свищи тогда…

Но никто, слава богу, второклассника Ресницына не похищал. Были какие-то новые разборки в суде или обошлось без них, Тенька не знал. Скоро все встало на прежние рельсы. Тенька понял это, когда мама повеселела, принялась по вечерам снова читать ему книжки и однажды вляпала крепкого шлепка – за невымытые тарелки (это во-первых) и за то, что опять не захотел стричься (это во-вторых).

– Ай! – Тенька весело подскочил.

…Видимо, так устроена была Тенькина душа, что тяжкие октябрьские события забылись быстро и довольно крепко (ну, если не копошить нарочно память).

Лишь иногда, если слышался где-то похожий на неумолимые шаги деревянный стук, Тенька съёживался внутри себя.

И вот случилось это теперь, на классном часе в третьем «Б»…

Что такое ЮЮ

Эти двое появились в сопровождении завуча Яны Константиновны. Ну, Яну, конечно, все знали, ничего хорошего от нее никогда не ждали, но и не очень боялись. Она была похожа на фрекен Бок из мультика про Карлсона. Оказалось, однако, что Тенька знает и двух других. Одна была та самая, «деревянная», с шарфиком. Правда, сейчас – не в шарфике, а в желтой косыночке на шее. Другую Тенька тоже помнил. Худая, с навороченными тяжелой грудой волосами морковного цвета. В узких блестящих очках без оправы.

Она однажды беседовала с Тенькой в каком-то кабинете, и там ее очки отбрасывали колючие вспышки.

«Ты должен понимать, Степа, что у папы тебе будет не в пример лучше…» – «Без мамы не будет лучше. Вы врете…» – «Почему ты грубишь?» – «А почему вы говорите ерунду? Без мамы не бывает лучше!» – «Папа найдет тебе специальную воспитательницу, гувернантку. Она будет заниматься с тобой, гулять, помогать учить уроки, заботиться о тебе…» – «Мама заботится! А эта гур… гувер… она чужая! Вы, что ли, ничуть не понимаете?!» Очкастая инспекторша не выдержала: «Зато она не пьет водку! А твоя мама… ей нужен медицинский контроль!» – «Мама давно не пьет! Ни капельки! А ты дура!..»

Тенька выскочил в коридор, где ждала мама. Уткнулся лицом в ее шероховатое пальто…

И сейчас все это снова придвинулось, моментально прокрутилось в голове, как видеоролик.

А может, это не они? Просто похожие? Они *там* все похожи друг на друга. Будто манекены в ЦУМе. Только у манекенов красивая похожесть, а у *этих* – «деревянная». В голосе, в движениях, в лицах…

Завуч и тетки плотно сели у доски. Зинаида Ивановна пристроилась у стола. Завуч снова поднялась.

– Тихо! – Все и так сидели тихо, но прикрикнуть все равно было надо. По правилам. – Ребята, сегодня у вас в классе гости…

«Чтоб они провалились!» – мелькнуло у Теньки. Нарастало тоскливое, сосущее такое предчувствие беды. Он попытался проглотить его, будто кусок селедки, и закашлялся.

– Тихо… Гостей зовут Елена Евгеньевна и Маргарита Геннадьевна… («Маргарита – в очках», – вспомнил Тенька и съёжил плечи.) Они заняты очень важным делом, работают в органах Опеки…

– Нефтью торгуют? – уточнил Витя Лампионов.

Это был младший брат образованного шестиклассника Игоря Лампионова. Сам он тоже был образованный, победитель разных конкурсов.

И Яна Константиновна отозвалась благосклонно:

– Нет, Витя. При чем здесь нефть?

– Но ОПЕК – это ведь международная организация по торговле нефтью? Или я ошибаюсь?

– Ты ошибаешься, Витя. Разговор идет не про ОПЕК, а про «Опеку». Про службу, которая занимается охраной интересов детей…

«Что им надо?» – толкалась в Теньке тревога.

Неожиданно встала очкастая Маргарита.

– Позвольте мне… Дети! Мы сейчас все вам объясним. Наша задача – защищать ваши права…

– Чего? – пискнула Танюшка Юкова, которая сидела рядом с Тенькой.

– Пра-ва… – блеснула очками Маргарита Геннадьевна. – Вам с первого класса объясняли, что у школьников есть обязанности: учиться, хорошо себя вести, слушаться старших. И это правильно. Но часто забывали объяснять, что каждый ребенок имеет права. На обеспеченную жизнь, на достойное обращение, на *неприкосновенность*…

– На что? – переспросил любопытный Гарик Сорокин.

– На не-при-кос-но-вен-ность… Во все времена был обычай, когда взрослые наказывали детей болью. За всякие провинности били ремнем, палками, розгами… Считалось, что это помогает воспитанию. А на самом деле поселяло в детях забитость и отсутствие чувства собственного достоинства… Но сейчас новые времена, вы – дети двадцать первого века. И в этом веке здравомыслящие люди пришли к выводу, что

к детям следует относиться так же, как ко взрослым. Никто теперь не смеет грубо обращаться с детьми, угнетать ненужными запретами, обижать и бить их. То есть у детей те же права, что и у взрослых.

Витя Лампионов поднял руку:

– Скажите, а почему тогда на улице можно быть только до десяти вечера?

«Деревянная» Елена Евгеньевна зашевелилась на скрипучем стуле.

– Ну… это временное явление. В целях вашей же безопасности…

– А выбирать регента дети теперь имеют право? – не отступал маленький Лампионов.

Очкастая Маргарита сдержанно сказала:

– Мальчик, подожди… Мы говорим не о политике, а о воспитании в семье и школе. О том, что сейчас принимаются законы, по которым никто не имеет права унижать вас, ограничивать ненужными запретами, лишать компьютера, ставить в угол, бить вас…

– А если не ремнем, а просто рукой по шее, это можно? – спросил с задней парты круглый и неторопливый Костик Лопухин.

– Ни в коем случае! Вы должны в таком случае немедленно сообщать в органы Опеки, учителям или в милицию… то есть в полицию.

– И что потом? – спросил обстоятельный Лопухин.

Маргарита четко разъяснила:

– Родителей, которые применяют недозволенные приемы воспитания, могут лишить родительских прав, а детей направить в специальную патронажную семью или в детский дом…

– В-вот радость-то!.. – сказал сосед Лопухина Стасик Важейко.

– В детских домах империи создаются все условия для счастливой жизни и учебы, – сообщила, не вставая, Елена Евгеньевна. И «деревянными» пальцами потрогала на шее косыночку.

Стасик Важейко, худой и лохматый, встал. Он слегка заикался и тем не менее любил выступать.

– Вчера б-была п-передача. Про большую с-семью. У них пятерых ребятишек забрали в детдом. Но не потому, что их били, а потому, что нечем было п-платить за квартиру…

– Важейко, сядь! – велела завуч Яна Константиновна.

– П-почему – сядь? Я не все сказал… Старшие мальчик и д-девочка через три дня сбежали из детдома и рассказали, что мальчика воспитательница излупила веником в туалете, а д-девочку… б-большие мальчишки затащили под одеяло, и…

– Важейко, сядь немедленно!

– Яна Константиновна, вы ограничиваете право школьника на свободу высказываний, – невинным голосом заметила Зинаида Ивановна. Ей полагалось бы бояться завуча, но она

не боялась, потому что все равно собралась увольняться.

Маргарита Геннадьевна покивала, чуть не уронив очки.

– Бывают ошибочные передачи. Телевидение – источник ложных слухов. Детям вообще не следует смотреть его.

– А как же права? – спросил Витя Лампионов.

– Вот о правах мы и говорим. О том, что никто не может обижать детей, заставлять жить в бедности, принуждать к работе, поднимать на них руку… Чтобы бороться с этим, создаются во всем мире специальные суды, которые подчиняются только Организации Объединенных Наций. Больше никому – ни президентам, ни регентам, ни правительствам. И называются они «Ювенальная юстиция». «Ювенальная» – значит «детская», а «юстиция» – это «судопроизводство». Суды по защите нового поколения. Именно они стоят на страже прав детей…

– А если дети не хотят? – осторожно спросила Танюшка Юкова и быстро глянула на Теньку. Она, видимо, кое-что слышала про его семейные дела.

– Судьи лучше знают, что нужно детям, – разъяснила Маргарита и вдруг улыбнулась. Словно в древесном стволе появилась поперечная щель. – Ювенальная юстиция помогла уже тысячам и тысячам ребят и родителей во всем мире. Эти люди благодарны ей и называют ее по-родственному – «ювеналка». Или сокращенно – ЮЮ…

Теньке помолчать бы, съёжиться посильнее и не обращать на себя внимания. Мало ли что… Но он не имел права пре-

дать кошку, которая, может быть, бродит где-то и ждет встречи с ним, Тенькой… Он звонко сказал, не вставая:

– Ю-ю – это кошка.

– Что? – Маргарита наконец уронила очки. И подхватила их на лету.

– Это кошка, – отчетливо повторил Тенька и встал. И засвистело в ушах, как тогда, на перилах балкона. И опять отлетела боязнь. Потому что, если появляется перед тобой такое вот гадство, нету сил молчать. – Это кошка из рассказа писателя Куприна. По имени Ю-ю. Такое хорошее имя… А ваша «ювеналка» – она наоборот. Она… фашистская. Потому что отбирает ребят у матерей.

Завуч Яна Константиновна возмущенно втянула в себя воздух.

– О-а-ахх… Ресницын!

– Ничего-ничего, – спокойно отозвалась Елена с косыночкой на «деревянной» шее. – Я помню этого Ресницына: он проходил через нас… Гипертрофированная привязанность к ущербной матери. – И повернулась к Маргарите: – Вы ведь помните ту особу с деформированным фейсом?

Маргарита часто закивала.

Тенька понял не всё. Но слова «деформированный» и «фейс» были знакомы. Упругая сила вытолкнула Теньку из-за стола. Как тогда, с перил на доску. Он дернул с крючка рюкзак. И пошел сквозь тишину к двери. На пороге рванулась обида. За маму, за пушистую Ю-ю, за себя… Не целясь,

он запустил рюкзаком в ту сторону, где на фоне окна темнели «деревянные» тетки. И побежал по коридору.

Тенька не знал, что теперь будет. Однако не очень боялся. То есть боялся, но не за себя, а за маму. Сейчас ей позвонят, вызовут в школу, наговорят всякое. Могут довести до слёз…

У мамы был свободный от работы день, и она, видимо, пошла в магазины. Тенька выдернул и спрятал за штору штепсель телефона. Но ведь могут позвонить по сотовому…

Двигаясь, как в тугой воде, Тенька снял форму, натянул привычный комбинезон, сел у окна и стал ждать. И ждал долго.

Мама позвонила. На чахленький Тенькин мобильник, который запиликал в кармане брошенных на кровать брюк.

– Ты где?

– Дома… – буркнул Тенька.

– Почему не работает домашний телефон?

– Отключился.

– Иди ко мне на вахту.

– Разве ты на дежурстве?

– Да, попросили. А с поста меня вызывали в школу. Пришлось на целый час запирать вахтерку… – Мамин голос был очень неласковый.

Ну, что поделаешь… Лишь бы скорее все кончилось…

До вахтерки три минуты ходьбы. Тенька потянул железную дверь, встал на пороге. Мельком увидел на стуле свой

рюкзак (значит, маме отдали!). Мама встала перед Тенькой. Волосы не закрывали шрам, он был сейчас пунцовым.

– Ну?

– Чо? – сказал Тенька.

– Достукался?

– До чего? – спросил Тенька. И подумал: «Пусть ругает, лишь бы не плакала».

– До «неуда» по поведению за четверть.

– Подумаешь! Не смертельно, – буркнул Тенька.

– За что ты назвал инспекторов Опеки фашистами?

– Потому что они такие. Они… те самые, что были тогда…

– Вот именно… И знаешь, что сказала мне инспектор Елена Евгеньевна Панина? «Вы, гражданка Ресницына, добьетесь в конце концов, что снова встанет вопрос об изъятии вашего сына. Если не нужен отцу, пойдет в приют…»

Ужас накатил на Теньку. О такой опасности он до сих пор не думал. А ведь могут! И тогда что? Снова трамплин в пустоте?

Мама угадала его мысль.

– И не надейся кого-то испугать своими прыжками. Этим людям наплевать, разобьешься ты или нет. Им главное – выполнить инструкцию… Зачем ты бросил в них рюкзак?

– А потому что…

И Тенька замолк. Как скажешь – почему? Повторить их гадские слова про мамино лицо? А она потом полночи бу-

дет всхлипывать в подушку? Или (даже подумать страшно!) опять пойдет за четвертинкой?

– Потому что… терпение лопнуло.

– Вот как? – спросила мама с ехидцей.

Ну, если такой тон, значит, вплотную беда пока не подошла, не будут завтра отбирать у нее Теньку. И он повторил уверенней:

– Да. Лопнуло.

– Оно окончательно лопнуло у меня, – сообщила мама. Открыла хлипкий фанерный шкаф и достала плетеный ремешок с узорчатой пряжкой. Тот, которым подпоясывала нарядное вязаное платье. – Снимай штаны…

Раньше такого не случалось. Бывали шлепки, но чтобы вот так… Ну и ладно! Когда-нибудь такое случается с каждым. Это Виталя однажды объяснил ребятам. Они в дворницкой обсуждали печальный случай с братьями Лампионовыми. Их папа, проректор Торгового института, застал Игоря и Витю за компьютером, когда те на специальном сайте разглядывали весьма раздетых красавиц.

– Я ему о правах человека, а он… – угрюмо пожаловался Игорь. Без стеснения. Люди все были свои.

– Ко всему надо подходить философски, – сказал Виталя.

Игорь, видимо, знал, что такое «философски», а Витя, трогая поясницу, спросил:

– Это как?

– С пониманием законов природы и общества. По этим за-

конам почти каждый хомо сапиенс в детстве хотя бы раз получает крепкую трёпку, без того не проживешь. Иначе жизненный опыт останется неполным…

Тенькин жизненный опыт ожидала полнота.

– Я жду, – ровным голосом напомнила мама. И сложила ремешок вдвое.

Ну что же. Все-таки это не самое страшное: ни слёз, ни «ювеналки»… Тенька шевельнул плечами. Лямки упали с плеч, похожие на мешок штаны съехали до пола. Тенька переступил через них. Одернул майку, взялся за резинку плавок, глянул исподлобья:

– Их, что ли, тоже?

– А как же, – сухо сказала мама.

Ладно, пусть… Сильно лупить все равно не станет. И большого смущения не было. Подумаешь, не видала его, что ли, мама без штанов!

Тенька кивнул на дверь комнатки, в которой стояла раскладушка:

– Пойдем туда…

– Это зачем?

– Тут все видно в окошко со двора…

– И пусть видят!

– Да? А если кто-нибудь наябедничает «ювенальщицам»? Те скажут, что ты издеваешься над ребенком. И вот тогда уж меня точно в приют…

Тенька вдруг подумал, что мама может ответить: «И на

здоровье. Зачем мне такой непутевый сын?» Это будет не по правде, а сгоряча, но тут уж он точно разревется…

Ничего такого не случилось. Не успело. Дверь быстро отъехала – на пороге появился Виталя. Как всегда круглый, улыбчивый, в холщовой куртке с белой нашивкой на левом боку. На ней – черные слова: «Чистота – путь к социализму». Виталя объяснял, что это фраза из одного старого фильма.

– Матвеевна, дело есть, – сказал Виталя.

– Подожди. Сначала разберусь с этим паршивцем.

– Потом будет поздно. Паршивец пострадает ни за что…

– Как это – ни за что?

– Он тебе не объяснил, почему случился скандал?

– Лопнуло, говорит, что-то у него.

– Выйдем, – увесисто сказал Виталя.

Мама велела Теньке: «Стой на месте!» – и вышла с Виталей за дверь.

Тенька топтался на половицах, теребил подол майки и прислушивался. Но что услышишь через прикрытую железную дверь.

Наконец дверь отъехала. Возникла мама. Сердитая, но не по-настоящему. Подергала волосы, закрывавшие левую щеку. Сказала:

– Бестолочь…

– И вовсе не бестолочь… – пробормотал Тенька.

– Самая настоящая. Почему сразу все не объяснил? Про их слова.

– Ага… А ты бы потом до утра хлюпала в подушку.

– Все-таки придется выдрать.

– Ну, давай. Только вон там, за дверью.

– Дурень… Ну ладно, ты вскипел благородным гневом. А зачем было швырять рюкзак в опекунских инспекторш?

– Да он как-то сам… швырнулся. Не в них, а просто… в пустоту.

– У тебя в голове пустота… Помру я из-за тебя…

– Не надо. Лучше отлупи.

Мама покачала ремешком, который все еще держала в руке. Повесила его в шкаф.

– Раздумала? – сказал ей в спину Тенька. – А то давай. Виталя говорит, что это все равно бывает – хоть раз в жизни. По закону природы…

– Виталя – умный человек. – Мама прикрыла дверцу и оглянулась.

– Да… Мама, а что он тебе сказал?

– Что было, то и сказал.

– А откуда он узнал?

– Сам спроси.

– Пойду спрошу… Можно уже надеть штаны?

– Нельзя.

– Значит… еще не раздумала?

– Просто я не могу больше видеть тебя в этих обносках.

– Так и ходить без штанов, что ли?! – взвыл Тенька, вцепившись в подол майки.

– Не скандаль. Сейчас дам летнюю обновку. Не надо было бы за твою вредность, да ладно уж.

«Сиреневый» Тенька и компания

Мама снова сходила к шкафу. Положила на стол прозрачный пакет. Выдернула из него что-то похожее на *сиреневый* флаг. На пластиковых плечиках провис маленький костюм.

Цвет его был удивительно звонкий. Не лиловый, не фиолетовый, не синий с красной примесью, а именно *сиреневый*, как у свежих цветущих гроздьев, – чистый, весенний.

Блестели латунные пуговки с отчеканенным узором. Похоже, что якорьки, но сразу не разберешь. Зато отлично видны были вышитые кораблики. Два маленьких – внизу на шортах, и один побольше – спереди, на рубашке. Кораблики были с узорами на бортах, с длинными флагами и круглыми парусами. На таких Магеллан ходил вокруг света…

– Ма-а… откуда? Ты же говорила, что еще не дали зарплату!

– Отец прислал… Не морщи нос!

Но она опоздала – Тенька сморщил. При упоминании об отце сразу все тускнело. И сейчас…

– Ты совершенно ненормальный! Ну не он же шил *это*. Просто выбрал в магазине и велел шоферу отвезти на почту…

– Ага, шоферу… Небось *той самой*…

– Не мели чушь! Нет у него никакой «той самой». Съездил бы к нему, убедился бы на месте…

– Больно надо…

– В конце концов, эта посылка – просто выполнение условий. Отец обязан помогать, раз я отказалась требовать алименты…

Тенька раздумчиво потерся ухом о плечо. Шмыгнул ноздрёй. Тогда, мол, так и быть, не буду морщиться. Тем более что костюм был замечательный! Сразу видно – невесомый, как мотыльковые крылья. Ох и здорово будет носиться в нем по дворам и переулкам!

– Надевай…

Тенька натянул штаны и рубашку, почти не ощущая материи. Мама подтолкнула его к узкому пятнистому зеркалу на дверце шкафа. Тенька увидел себя будто сразу и подросшим, и похудевшим. Жаль, что загара нет, ну да это поправимо… Он дурашливо покрутился, взявшись пальчиками за кораблики на штанах. А кораблик на груди погладил, как бабочку.

– Клёво!

– Ну вот. А ты фыркал… Смотри, у тебя и носочки почти под цвет, и полоски на кроссовках сиреневые.

– Ага…

Тенька покачал ступнёй. Сунул в кармашек на бедре свой плоский старенький мобильник. Тот был легонький, как пустая мыльница, но все равно казался тяжелее всего костюма.

– Сходи сегодня в парикмахерскую и будешь совсем как лорд Фаунтлерой. Ты ведь про него читал.

– Мам, лучше потом!..

– Кажется, я рано убрала ремень…

– Нет, не рано. Тебе вредно волноваться на посту… Я погуляю, ладно? Забегу к Витале…

– Зайди сначала домой. Разогрей в микроволновке картошку с рыбой и пообедай… Только не заляпай обновку.

– Ладно.

И домой, конечно, не пошел.

Цветущие кусты по краям Карпухинского двора были одного цвета с Тенькой. Тенька специально пробежался впритирку к ним, чтобы вобрать в материю весенний запах. Потом раскинул руки, взлетел на кирпичную стенку между дворами, поскакал на ней, приземлился коленками и ладонями в мягкую траву и сухие семена кленов. Подпрыгнул и побежал к Витале.

Виталя у входа в дворницкую чинил механическую подметалку. Тележку он отодвинул в лопухи, а всякие детали мотора по порядку разложил на мешковине. Разглядывал и протирал. Витале помогал хулиган-семиклассник Жох. Неподалеку, на козлах для пилки дров, устроились братья Лампионовы. В траве сидел на корточках смуглый первоклассник Егорка Лесов. Он чесал кудлатый бок развалившемуся псу Симе. Сима улыбался розовой пастью. Дело в том, что он сбежал от своего бестолкового семейства, чтобы отдохнуть в одиночестве…

Дворницкая располагалась в одноэтажной пристройке

Макарьевского особняка (в котором находились всякие кабинеты и кладовые Торгового института). Длинная такая будка из старинного кирпича. Недалеко от входа рос крепкий тополь. Между стволом и дворницкой была укреплена горизонтальная труба, а к ней подвешены качели – два каната и доска. На доске покачивалась Эвелина Полянская – здешняя красавица двенадцати с половиной лет. С белыми, как летнее облако, волосами и смуглая, как Егорка. Она болтала коричневыми ногами и косо поглядывала на Жоха. Считалось, что Жох и Эвелина – всегда в состоянии холодной войны. Оно и понятно – чего общего между ученицей эстетического лицея и «кандидатом в колонию»? Однако ходили слухи, что эта парочка тайком целовалась за трансформаторной будкой. И Тенька знал, что слухи не просто слухи…

Когда Тенька подошел, Эвелина протяжно сказала:

– О-о… Мальчик, ты будто крайняя полоска яркой радуги.

– Почему крайняя? – подозрительно спросил Тенька. От девчонок не знаешь, чего ждать.

Эвелина снисходительно объяснила:

– Белый свет разлагается на семь цветов, по порядку. Называется «спектр». В этом спектре последняя краска – фиолетовая.

– У меня сиреневая, – заступился за костюм Тенька. – Разница…

– Некоторая разница есть, только почти незаметная, – не

то согласилась, не то возразила Эвелина. – В спектре бывают разные оттенки… Садись рядом, Тень… – Она подвинулась на доске и без лишней скромности разъяснила: – Мы здесь будем самые красивые.

Жох негромко хмыкнул. Подумаешь, мол, принцесса.

Эвелина была в желтом платьице с белыми рукавчиками – складчатом и коротеньком. Теньке подумалось, что он со своей незагорелостью будет выглядеть рядом с Эвелиной беззащитным и хлипким. Но… сесть рядышком все же хотелось. В самой-самой глубине души Тенька был слегка влюблен в красавицу Полянскую. Конечно, не настолько, чтобы целоваться за будкой – это немыслимая чушь! Но вот присесть рядом и, может быть, нечаянно зацепить своей ногой ее ногу – при этом что-то пушисто щекотится в душе.

Тенька с независимым видом подошел и скачком сел на доску. Эвелина придвинулась, а ему отодвигаться стало некуда. Они покачались. Эвелина осторожненько взяла кромку Тенькиных штанов (у него затеплели уши).

– Этот кораблик, он фрегат, да?

– Я не разбираюсь… – буркнул Тенька.

Жох, согнувшийся над мешковиной с деталями, глянул на них через плечо. Безразлично сказал:

– «Тили-тили тесто…»

– Дурак… Виталя, дай, пожалуйста, ему по копчику, – попросила Эвелина. – Мне не дотянуться…

– Зачем? – возразил Виталя. – Приревновал человек, с

кем не бывает. Тенька сегодня и правда красивый, будто именинник… Тень, я вижу, обошлось без грозы, да?

– Ага… – Тенька спрыгнул с доски. – Виталя, я спросить хочу…

– Ну давай… – Виталя никогда не отказывался отвечать на вопросы.

– Я… только я хочу не при всех…

– Тет-а-тет, – понимающе вставил старший Лампионов.

– Ну, если «тет», пойдем под крышу, – согласился Виталя.

В дворницкой пахло кирпичной прохладой. Виталя одним взмахом усадил Теньку на верстак.

– Спрашивай, отрок.

– Ты откуда узнал про то, что было в классе?

– У-у-у…

– Ну что «у»? – с досадой сказал Тенька.

– Виталий Самохвалов – дворник. А дворники во все времена были самыми надежными агентами тайных служб. Им всегда полагалось знать про всё и про всех на свете. Я такой же…

– Да ну тебя… Наверно, Витька Лампионов разболтал?

– Можешь думать, что так… Но, если совсем честно, не Витька. Прибегала твоя одноклассница, Танюшка Юкова…

– А… она-то почему?! – изумился Тенька.

Кто для Юковой Степан Ресницын? Он всегда смотрел на нее, на маленькую и белобрысую, просто как на соседку по парте. Недавнюю, между прочим…

– Сударь, девичье сердце – непостижимая тайна…

«С ума сойти! Еще одна забота…» – мелькнуло у Теньки.

Девичье сердце – действительно тайна. Вот висит напротив двери фотопортрет в рамке. Смеющаяся девушка с разлетевшимися, просвеченными солнцем кудрями. Ужас до

чего симпатичная! Ни для кого не секрет, что это студентка экономического факультета Алёна Звонкова. И что она – невеста Витали.

Взрослые тетушки с обоих дворов судачили:

– Что она в нем нашла, в этом неграмотном увальне?

Изольда Кузьминична однажды задала такой вопрос Алёне в упор. Алёна не возмутилась и не растерялась. Объяснила с улыбкой:

– Сударыня, увалень он снаружи, а в душе очень изящная личность. Что касается необразованности, то… недавно его студенческий реферат «Топонимика ускользающих точек» поставил на уши два института… Вы бы слышали, как бесновался профессор Рекордарский!

– В таком случае почему ваш Виталий дворник, а не академик? – язвительно спросила Изольда.

– Всему свое время… Впрочем, он говорит, что, даже сделавшись академиком, он не оставит профессию дворника. Это очень древняя и почтенная профессия. Она помогает поддерживать живые контакты с разными слоями населения…

– Со всякой мелкой шпаной! – отрезала Изольда Кузьминична и удалилась, прямая, как древко от Виталиной метлы.

А «мелкая шпана» уже нетерпеливо заглядывала в дворницкую.

– Виталя, долго вы еще будете «тетничать»? – спросил Игорь Лампионов. – Там Жох с Эвкой разругались со скуки.

Но Виталя только махнул рукой.

А Тенька вдруг опять съёжился:

– Я вот еще чего боюсь… Эти «ювенальные» тетки не смогут забрать меня? В какой-нибудь приют?

– Не сумеют, Тень. У тебя и мама, и папа, как говорится, в наличии. Они хотя и по отдельности живут, но оба не лишены прав. Поэтому столько и возились с тобой, уговаривали… Это ведь пока еще не Ювенальная юстиция…

– А кто?

– Просто органы Опеки, у них меньше прав. А там, где уже вступила в силу «ювеналка», дело хуже. Она не подчиняется никому. Забрали ребятишек – и хоть головой об стену…

Тенька покачал ногой. Отклеил от колена кленовое семечко-вертолетик, дунул на него. Последил, как вертится. Потом тихо сказал:

– Можно и головой…

Ребята все-таки просочились в дворницкую, стояли неподалеку, слушали. Добавился еще Шурик Черепанов. Он был, видимо, в курсе дела. Сказал:

– В нашем классе недавно Толика Перлухина в приют забрали. Прямо с урока. Пришли тетка и три амбала… Потому что у Перлухиных пять детей, а за комнату платить нечем: отец безработный. Младших девчонок зачем-то в больницу, а Толика и брата в приют… Даже с улицы было слышно в классе, как он отбивался перед машиной…

– Говорят, была про это телепередача, – насупленно

вспомнил Тенька.

– Ужас какой! – Эвелина Полянская стиснула острые локти. – Неужели ничего нельзя сделать?

– Что? – сказал Жох.

Тогда подал голос маленький Егорка.

– А если восстание? – спросил он. – Когда большая несправедливость, бывает восстание…

Почему-то никто не засмеялся. Виталя большущей ладонью взлохматил Егоркины волосы.

– Это отдельный вопрос…

Искры на парусах

Со двора Тенька пошел на бульвар Революции.

Некоторые взрослые удивлялись: давным-давно кончились времена, когда вожди революции считались великими и гениальными, а памятник им в начале бульвара и название остались. Начальство до сих пор не решалось отменить то, что давным-давно устарело. Мэр Блондаренко однажды заикнулся по этому поводу, но на него напустились «левые» депутаты, и мэр притих. Ну и ладно. Теньке было все равно. Пусть хоть какое название, а бульвар все равно красивый и тенистый. Этакий глоток воздуха среди бетонно-стеклянных кварталов. С двумя фонтанами, с разноцветными киосками, с раскрашенными деревянными скульптурами богатырей и добродушных чудовищ. По чудовищам всегда лазала дошкольная малышня.

Солнечные пятна прыгали по плиткам аллеи. А Тенька прыгал по этим пятнам. Все опасения окончательно оставили его. Внутри и вокруг – только беззаботность и легкость. Казалось, что можно разбежаться и полететь над аллеей, помахивая ладонями. Но Тенька не решался на глазах у прохожих. Шагать вприпрыжку – другое дело…

Бульвар был длинный. Иногда он расширялся, открывая обсаженные сиренью и яблонями площадки (яблони тоже цвели). На площадках стояли всякие качели-карусели. А в

одном месте торчала среди кустов маленькая сцена под похожей на половинку парашюта крышей. Перед сценой стояли ребята и взрослые. На помосте полная тетенька в клоунском костюме показывала разноцветные картины и о чем-то спрашивала зрителей. Их, зрителей, было не так уж много. Тенька без труда пробрался к самой сцене. Видимо, шла какая-то игра или аттракцион. Для платных аттракционов у Теньки не было ни рубля, а если просто так, то почему не принять участие?

Клоунская тетя подняла разноцветный картон. Радостно возгласила:

– Ребята, новый вопрос! Вы все видели верблюдов. Или настоящих, или на картинке! Не так ли?

На картоне был изображен именно верблюд – коричневый, на фоне песка и очень синего неба.

Собравшийся народ с готовностью подтвердил:

– Да-а-а!!

– Но у некоторых верблюдов бывают еще специальные названия. Вот у таких, одногорбых. Как его можно назвать?..

Народ молчал…

Все-таки хорошо, когда ты прочитал немало книжек. Тенька не был выскочкой, но у него вырвалось само собой:

– Дромадер!

Он тут же испугался: вдруг сказал неправильно? Тогда хоть проваливайся в своем сиреневом наряде…

Но тетенька возликовала:

– Молодец!.. Мальчик, иди сюда! Получишь приз!

Тенька, стесняясь (но не очень), подошел к самой сцене. Вскинул голову. Румяная клоунша похвалила снова:

– Умница! Вот, получай… – Из-под широченного пышного воротника она достала футлярчик со скобкой. Нагнулась. – Играй на здоровье… Какой красивый кораблик у тебя на рубашке!

Зрители похлопали (правда, не очень дружно).

Тенька пробормотал «спасибо», отошел, стал вертеть пластмассовый футлярчик в пальцах. Он сразу понял, что это такое. Надо снять крышку, вынуть стерженек с колечком. В колечке окажется мыльная пленка. Дунешь – и полетит над головами стая пузырей. Хорошая вещь…

А тетя в клоунском воротнике подняла новую картину. Там среди фиолетовых волн и пенных гребней плыла серая подводная лодка с высоченной рубкой. Тенька смотрел сбоку, но разглядел ее хорошо.

– Дети, вы все понимаете, что это подводная лодка! Да?

– Да-а!!

– Но есть у нее и другое название! Кто скажет?

И опять молчание. Ну уж здесь-то, казалось бы, вопрос легче легкого! Тенька подождал. Шагнул ближе. Поднял руку – потому что не знал: можно ли участвовать в конкурсе второй раз?

– А! Снова мальчик с корабликом! Ну, говори!

– Суб-ма-ри-на! – выговорил Тенька. С опаской, что со-

чтут хвастуном, но и с укором в адрес необразованных зрителей.

– Мо-ло-дец! Подойди. Вот тебе еще один приз. Кстати, последний в этом соревновании… А теперь мы переходим к литературному конкурсу «Любимые поэты»! Кто наберется смелости, выйдет сюда и прочитает стихи какого-нибудь известного автора?.. Мальчик, может быть, снова ты?

Тенька замотал головой и попятился. Кой-какие стихи он знал, но читать их с помоста, перед толпой (хотя и жиденькой)… Жуть, да и только. Он и в классе-то стеснялся, когда приходилось у доски проговаривать заданное стихотворение.

Спиной вперед Тенька выбрался на край площадки. В кулаке он сжимал два одинаковых пенальчика с кольцами. Неподалеку лежало отесанное бревно с лошадиными головами на концах – этакий Тянитолкай, прилегший в траве и приглашавший: сядьте на меня, отдохните. Странно, что никто не сидел. Тенька пристроился на Тянитолкае верхом, один футлярчик убрал в нагрудный карман (пониже кораблика), с другого сдернул крышку. Так и есть – ребристое колечко с искрящейся пленкой! Тенька глянул сквозь него на пушистое облако и дунул.

Резвой вереницей вылетели два десятка пузырей! Разных. Мелкие – с грецкий орех, покрупнее – с теннисный мяч, а два – даже с небольшой кочан капусты. Маленькие стали лопаться через несколько секунд. А с полдесятка самых боль-

ших всплыли метра на два и стали описывать плавные круги. Они переливались радугами и отражали крохотное солнце. И деревья. И облака. И самого Теньку – он сумел разглядеть это!.. И еще что-то они отражали. Или нет, не отражали, а словно прятали в себе – что-то прозрачное, выпуклое, тонкое, как их оболочка. Это что-то складывалось в полузнакомый рисунок. Тенька вытянул шею. Четыре шара улетели неведомо куда, а самый большой стал тихо снижаться. И повис перед Тенькой – так, что можно было коснуться пальцем. Тенька не стал касаться (он же еще не спятил!), но приглядел ся.

Внутри шара был различим прозрачный кораблик. Местами его выпуклые паруса сливались с оболочкой шара, но кое-где создавали свой собственный рисунок. А еще заметны были крутобокое тело кораблика, стеклянные мачты и нити снастей… Вот это да! Тенька перестал дышать. А шар опускался все ниже и… становился уже не шаром, а просто корабликом, терял излишнюю округлость. Хотя паруса все равно были похожи на круто надутые пузыри.

Всё отодвинулось. Кораблик стал самым главным на свете.

«Не исчезай, поживи подольше…»

Кораблик опустился к солнечным цветам одуванчиков, прошел над ними и над Тенькиной кроссовкой. Тенька очень осторожно подтянул ноги и поставил пятки на спину Тянитолкая. Кораблик поднялся на уровень Тенькиного лица. Сквозь паруса были видны ближние клены. Тенька наконец

вздохнул. Этот вздох качнул кораблик, тот отплыл, приблизился снова, завис над Тенькиным коленом. Стал спускаться.

– Не надо, – шепнул Тенька, он боялся шелохнуться.

Кораблик опустился на колено, невесомо посидел на нем несколько секунд и пропал. Микроскопические брызги еле ощутимо кольнули кожу. У Теньки жалостливо щекотнуло в горле. Но он встряхнулся: «Ведь есть же еще!»

Снова Тенька выдернул колечко, прищурился и дунул. Снова взлетела вереница пузырей. Сперва показалось, что просто пузыри. «Ладно, летите…» Наверно, чудо не может повторяться. Но… два самых больших пузыря задержали полет и начали ходить по кругу. Невысоко от Тенькиной головы. Они… да, они тоже превращались в кораблики…

– Это такое заколдованное мыло, да? – услышал он сипловатый голосок.

Оказалось, неподалеку стоят два мальчишки – наверно, первоклассники. Один – похожий на Егорку Лесова, другой – белоголовый и круглый, будто уменьшенный в десять раз Виталя.

– Не знаю, что за мыло… – осторожно сказал Тенька. – Сам вижу первый раз…

Мальчишки переглянулись. Похожий на Егорку очень деликатно спросил:

– Скажи, пожалуйста, а где ты взял… такое?.. Купил?

Дружелюбные были ребята, и Тенька объяснил, глядя, как улетают кораблики:

– Дали в награду. Вон там, на сцене. Попробуйте, может, и вам дадут. За чтение стихов…

Мальчишки переглянулись опять и рванули сквозь кусты. А Тенька подумал: «Знала эта клоунша, *какой* подарок дает, или думала, что обыкновенный?»

Махнул крылом ветерок и словно приподнял невесомого Теньку. Тот вскочил на спину Тянитолкая. Ветерок взлохматил и откинул назад Тенькины соломенные волосы. Прижал к телу сиреневый наряд. Рубашка была навыпуск, ее край затрепетал, будто кромка флага. Тенька крутнулся на пятке и встал к ветру спиной. Снова дунул в мыльное колечко. Вереница пузырей получилась длинной. Самые маленькие понеслись впереди, а последние оказались очень крупными. Как арбузы. И опять они превратились в кораблики. В парусах сияли радужные блики. Ветерок ослабел и уносил прозрачную эскадру неторопливо – давал Теньке полюбоваться…

– Ой, Ресницын… какой ты!.. Я тебя сперва не узнала… – Это был тоненький знакомый голос. Рядом с улыбчивой головой Тянитолкая стояла Танюшка Юкова.

Тенька ее тоже сперва не узнал – не в клетчатом школьном платье, а в похожем на парашютик бело-красном сарафанчике. Но тут же понял, что это – она. И голос знакомый, и коротенькие светлые косы.

Месяц назад Теньку Ресницына и Сёгу Кучеренко Анна Евсеевна рассадила из-за короткой потасовки на уроке рисования. «Будешь теперь сидеть с Танюшкой. Она тебя зади-

рать не станет…» Ну и ладно, Тенька не спорил. Юкова была спокойная и такая маленькая, что ее все звали не Таней, не Татьяной и уж, конечно, не Танькой, а именно Танюшкой. Но Тенька звал ее по фамилии, потому что Юкова его, кажется, стеснялась и всегда говорила «Ресницын». Однако сейчас Тенька вспомнил, что это именно она прибегала к Витале, чтобы рассказать про случай в классе, и… сделалось ему хорошо. Он даже перестал следить за корабликами.

– Танюшка! Вставай сюда! – и подвинулся на круглой спине Тянитолкая.

Она сразу прыгнула к нему («парашютик» взлетел и опал). Покачнулась, ухватила Теньку за локоть и тут же испуганно отпустилась.

– Ой!..

Тенька сразу сказал:

– Ты меня сегодня спасла от нахлобучки. Ты откуда знаешь Виталю?

– Мы с его Алёной по соседству живем. Я у нее часто бываю. А он к ней приходит и про все рассказывает. И про ребят с вашего двора…

– И… про меня?

– Ну… про всех. Он любит рассказывать… Я сразу поняла, что лучше всего бежать к нему.

– Ты молодец, – веско сказал Тенька. А выговорить «спасибо» почему-то постеснялся.

– А я тебя сразу не узнала… – повторила Танюшка. – Ты

весь такой… непривычный… А потом узнала по растрепанным волосам…

Тенька слегка засмущался.

– Да ладно, чего меня разглядывать… Лучше – вот! Погляди, какой запускатель корабликов… – И дунул в колечко изо всех сил.

На этот раз кораблики получились лучше прежних. Почти все – большие и сверкающие.

– Ой!.. – выдохнула Танюшка.

Тенька вынул из кармана второй, еще не распечатанный футлярчик.

– На. Это тебе насовсем. Давай запустим вместе. Сразу две эскадры!

– Ой… давай…

Тенька помог ей распечатать пластмассовую трубку. Они встали вплотную друг к другу (Танюшкина косичка чиркнула по Тенькиному плечу). Тенька шепнул: «Раз-два-три!» – и дунули…

Тенькины кораблики всплыли к листьям кленов. А у Танюшки… У нее получились простые пузыри. Крупные, радужные, но без намека на паруса…

Танюшка снова сказала «ой!». Испуганно, словно была виновата.

– Попробуй снова… – Тенька был уверен, что на этот раз у нее получится.

Танюшка зажмурилась и дунула сильнее прежнего.

И опять вылетели обыкновенные пузыри.

«Может, у меня особенный мыльный состав, а у нее обычный?» – мелькнула догадка.

– Попробуй мой. – Тенька приблизил свое колечко к Танюшкиным губам.

Но и на этот раз у Танюшки ничего не вышло. Дунул Тенька – и полетели кораблики. И когда он испытал Танюшкин «запускатель», тоже сверкнули паруса.

– Я всегда такая неумелая… – прошептала Танюшка. – За что ни возьмусь – никакого толку…

Тенька пожалел ее.

– Дело не в тебе. Наверно, здесь какая-то загадка…

– Ой! А я знаю… На тебе кораблики, поэтому и получается! Они будто отражаются в пузырях!

– Наверно, правда! Давай попробуем!

– Что?

– Надень мою рубашку!

– Тень… – сказала она (впервые не «Ресницын», а «Тень»).

– Чего?

– Это ведь… неудобно…

– Да что за фигня! Я же не штаны тебе предлагаю!.. Надевай! Сразу все выясним.

Он сунул свой футлярчик Танюшке в ладонь и начал дергать латунные пуговки (они и правда с якорями!). Но Танюшка быстро вернула «запускатель» Теньке.

– Не надо. Вон моя мама идет, близко. Ищет, наверно. Велела ждать у фонтана, а я отошла… Тень, а можно, я все-таки возьму его себе? – Она сжала в пальцах Тенькин подарок. – Я дома еще попробую…

– Конечно!

– У меня дома есть кофточка с матросским воротником и парусом на кармане…

И Танюшка упорхнула, будто ветер унес бело-красный парашютик. Тенька увидел издалека, что высокая женщина в рыжей кофте сердито жестикулирует над Танюшкиной головой. А потом они исчезли за деревьями.

В кармашке на шортах задрожал мобильник. Мама хотела знать, почему Тенька не пошел домой обедать, а слоняется неизвестно где.

– Я позвонила домой, а там глухо! Где тебя носит?

– Я уже иду!

– Сию минуту! Или я… доведу задуманное дело до конца!

Тенька хихикнул и поскакал домой.

Дома он включил микроволновку и вышел на балкон. Снова испытал «запускатель». Несколько больших пузырей послушно превратились в корабли Магеллана. Тенька помахал им вслед. И затем решился на эксперимент. Стряхнул на пол сиреневый наряд, снова шагнул к перилам и дал старт новой команде пузырей. И… ура! Они все равно расправили паруса!

Значит, дело не в том, что на рубашке и штанах корабельная вышивка!

А в чем?

И сработает ли в конце концов «запускатель» у Танюшки? Эта мысль царапнула Теньку беспокойством, но не сильно. Он вдруг понял, что ужасно устал. С трудом вытащил из печки тарелку, нехотя пожевал картошку и кусок жареного судака, вытер подолом майки губы. Майка запахла рыбным магазином. Тенька сдернул и бросил ее на спинку стула. А сам упал на свою узкую диван-кровать. Рывком натянул на себя покрывало, прижался щекой к подушке и поплыл, поплыл среди большущих прозрачных кораблей…

Он проспал до вечера, когда солнце спряталось за башенки Макарьевского особняка. И не проснулся, когда пришла мама. Она включила свет.

– Господи, надо же, как набегался! Даже простыню не постелил. Ну-ка, встань, сделай постель как надо!

Тенька поднялся, но стоял пошатываясь и не расклеивая ресниц. Какое уж «сделай постель». Мама сама принялась расправлять и стелить простыню. Тенька поморгал и на цыпочках двинулся в комнату, которая называлась «спальня». Там он забрался на двуспальную кровать, под мамино атласное одеяло. Укрылся с головой.

Мама появилась через минуту. Откинула одеяло. Сделала вид, что очень удивилась.

– Здрасте! Это что за немытое исхудалое существо? Ну-

ка марш в свою берлогу!

– Ма-а… я немножко с тобой…

– По-моему, ты не в том возрасте, когда спят вместе с мамой.

– Мама, я немножко… Я хочу тебе рассказать…

Он собирался рассказать про пузыри и Танюшку Юкову.

– Чудо-юдо косматое…

Мама прилегла рядом. От нее пахло немножко помадой, немножко шелком, а главное – удивительными мамиными волосами. Тенька носом ткнулся маме в плечо.

– Не подлизывайся. Говори, что хотел…

– Ага, я сейчас…

Но глаза слипались, язык заплетался. Кораблики поплыли опять.

Мама тихонько полежала рядом, запустив пальцы в раскиданные на подушке Тенькины космы. Потом встала, отнесла Теньку на его диван-кровать. Он этого уже не чувствовал…

Он тихо летел среди корабликов – в зеленоватом лунном свете (хотя луны в небе не было). Из пространства надвигались громады, похожие на известковые скалы. Тенька понял, что это многоэтажки на берегу пруда. Над ними вздымался смутно светящийся Зуб. Теньке не хотелось к Зубу, но… там ведь жил его Народец. И похоже, что кораблики специально манили его туда – чтобы он повидался с маленьким бумажным племенем. Если сделал и поселил в небоскребе, значит, отвечает…

Пролетели над гладкой водой пруда, и Тенька на миг увидел свое распластанное отражение. Оказывается, он был не голый, а опять в своем трепещущем на ветерке костюме. Потом приблизился берег, каменный парапет, плиты на площади перед Зубом. Кораблики растаяли, Тенька стукнулся подошвами о камни… И что теперь?

Тенька знал: надо было идти внутрь Зуба.

Ох как не хотелось! Но в снах такие законы, что не хочешь, а все равно идешь. Не было нигде огней. Ни в окнах, ни снаружи. Даже в отдалении – ни фонарика, ни лампочки. Только все тот же зеленоватый свет. Тенькины кроссовки щелкали по плитам: так-так-так… И казалось, какие-то невидимые существа слушают это щелканье. Потом отозвалось эхо. Теньке даже почудилось, что это не просто отзвук, а раздавшиеся в отдалении шаги «деревянных» теток: туп… туп… туп… Но нет, видимо, только показалось. Однако все равно стало еще страшнее.

Чтобы отвлечь себя от страха, Тенька стал вспоминать, кого он весной отправил на жительство в небоскреб.

По правде говоря, помнил Тенька не всех. Мало ли он их напридумывал – героев своих мимолетных сказок! У этих сказок жизнь была иногда совсем коротенькая. Вдруг прыгнет откуда-то в голову, завертится, как пущенная волчком по столу шестеренка от будильника, раскидает искры, рассмешит или опечалит, а потом… потом отходит в сторонку, будто наигравшаяся кошка, которая решила прилечь в уголке и

подремать. Таких отдыхающих в уголках памяти историй у Теньки было множество.

Иногда он как бы перетряхивал их, вспоминал заново. Например, про боевых Кузнечиков с копьями из булавок и щитами из пивных пробок – эти храбрецы лихо воевали со зловредными тараканами. Или про веселых артистов из цирка под пестрым зонтиком – они были прыгучими шариками от настольного тенниса и всегда улыбались нарисованными рожицами (звали прыгунов Чак, Скок и Бумка)… А еще был прилетевший с Луны желтый заяц Андрей, оловянные солдатики Чалкин и Пряжкин, летучий мышонок Мыш, целая семья Карандашных огрызков, убежавшие из своих коробок шахматные Пешки…

Самыми интересными в Народце Тенька считал домовых из старых кварталов. Раньше эти существа жили в подвалах и чуланах деревянных домов, а когда по приказу мэра Блондаренко дома снесли, подпольные жители сделались бомжами. Тенька построил для них в лопухах (мысленно, конечно) общежитие из фанерных ящиков и порой заходил туда в гости. Ему всегда радовались…

Домовые были разные. Ворчливый и лохматый, будто кусок овчины, Юшкин; добродушный Калач с загнутыми кренделем усами; всегда сопящий и пыхтящий Чайник Заваркин; похожий на обросший желтой травкой кувшин Квас Квасыч; вспыльчивый и встрепанный Петух Ёшкин (он и правда был совсем как петух – в красных штанах и маленьких валенках

со шпорами)…

Домовые иногда ссорились, но не всерьез, а по привычке. И любили рассказывать всякие истории – про себя и про загадки домов, где жили раньше (клады там всякие, привидения, говорящие портреты, скачущие доминошки и все такое прочее). Рассказывали друг дружке и Теньке. Тенька понимал, что домовые чаще всего врут, но было интересно. Иногда вокруг домовых собирались жители других сказок, становилось шумно. Лунный заяц Андрей играл на балалайке, лохматый Юшкин сипло пел песни Высоцкого…

Все это порой перемешивалось в голове у Теньки, и бывало, что в неподходящее время. Например, Анна Евсеевна разбирает ошибки в диктанте, который писали накануне, а у Теньки в мозговых извилинах прыгают Чак, Скок и Бумка – они затеяли фехтовальную игру с Кузнечиками (а Квас Квасыч ворчит на них: «Что за молодежь!..»).

«Ресницын, интересно, для кого я говорю? Это ведь ты написал слово „автомобиль“ без мягкого знака». – «А?.. Ой… Анна Евсеевна, я хотел с мягким, а он куда-то ускочил». – «Ты и сам куда-то ускакиваешь то и дело. Вернее, улетаешь. Перестань витать в небе и опустись на стул». – «Ага…»

Тенька вскакивал и шлепался на сиденье стула и потирал себя сзади, будто и правда хлопнулся с высоты. Танюшка Юкова поглядывала сбоку – не поймешь, то ли с укором, то ли с сочувствием… Народец из Тенькиной головы разбегался. На некоторое время. А потом – опять. Иногда с ним было

интересно, а порой он делался надоедливым. Тенька почувствовал облегчение, когда отправил жителей всех своих сказок на жительство в Зуб. Случалось, они и теперь являлись к нему, но не каждый день. Видимо, привыкли жить сами по себе. А новые сказки придумывались не часто…

Но вот Народец вспомнился опять, и пришло время навестить его. Конечно, всех повидать не удастся, но можно просто войти в пустоту небоскреба, задрать голову и крикнуть: «Эй, как вы там?! Я вас помню! Приходите в гости!»

Страх был похож на подвешенные в воздухе мешки с опилками. Тенька расталкивал их грудью и шагал по ступеням к высоченным дверям небоскреба. Повернуться бы и убежать! Но нельзя было обмануть лунного зайца Андрея, крылатого Мыша, домовых, солдатиков, цирковых попрыгунчиков и всех, всех, всех… К тому же Тенька чувствовал, что убегать будет не менее страшно, чем идти вперед. Да еще и стыдно… И он шагал, шагал и больше всего боялся опять услышать редкие «деревянные» шаги: туп… туп… туп… Но таких шагов не было. Только щелканье Тенькиных подошв. С этим щелканьем он и вошел во тьму необъятного вестибюля.

Тьма пахла сырой штукатуркой. Она была непроницаемая и зябкая. У Теньки на щеках, шее, руках и ногах высыпали пупырышки. Куда идти в этой черноте, было непонятно. Ну и ладно. Тенька с облегчением решил, что можно окликнуть Народец и отсюда: «Привет! Не скучайте! Придумывайте но-

вые сказки!»

Правда, сначала надо было набраться смелости. Не так-то просто заставить себя прорезать голосом здешнюю темноту. Конечно, никого, кроме Народца, во всем Зубе нет, но сама темнота… не то чтобы враждебная, а какая-то *нездешняя*. Совсем непроницаемая… Хотя… слева проступило светлое пятнышко. Желтое, пушистое…

И вдруг пятнышко превратилось в расширяющийся луч. Он сделался ярким и протянулся к Тенькиным ногам. Как светлая дорожка. Высветил черно-желтые плитки каменного пола. И… стук-стук-стук – будто чьи-то шаги. Но это не были «деревянные» шаги «ювенальных» теток. В них звучало веселое щелканье.

В луче появилась красная лошадка. Игрушечная. Ростом с небольшую кошку. Таких продают в ларьках с русскими народными игрушками. На боках виднелись узоры из пестрых цветов и листьев. Грива завивалась в белые твердые кольца. Ноги с черными копытцами были словно склеены друг с дружкой – задние вместе и передние вместе. Но это не мешало маленькому коню скакать резво и ловко. Он подпрыгнул к Тенькиным кроссовкам, запрокинул голову. Круглые глаза коняшки блестели, как живые.

Тенька сел на корточки. Маленький конь был не из его Народца. Не Тенькин, а *чей-то*. Но он был славный. Тенька пальцем провел по спинке. Твердая, гладкая. То ли пластмасса, то ли толстый слой бумаги, который называется па-

пье-маше.

– Ты чей? – спросил Тенька шепотом.

Лошадка не ответила, но Теньке показалось, что в ее твердом тельце тюкнуло сердечко… С этим ощущением Тенька провалился в новую глубину сна, где уже не было ничего связного. Только искры, как на прозрачных парусах.

Еще о кораблях

Утром оказалось, что в классе многие знают про Тенькины кораблики. Откуда? Скорее всего, Юкова не выдержала, разболтала подружкам. Что поделаешь, даже самые скромные и тихие девчонки не умеют сдерживать язык. Тенька выразительно глянул на Танюшку, но упрекать не стал. В конце концов, делать из «корабельного запускателя» тайну Тенька не собирался. «Запускатель» действовал, хотя на Теньке была не вчерашняя летняя одёжка, а школьный костюм (тесный и надоевший). И когда ребята насели с четырех сторон – «покажи» да «покажи», – Тенька не стал упрямиться. Выпустил целую эскадру прозрачных корабликов. Одни быстро улетели в форточку, другие взмыли под потолок и висели там несколько минут. Пока не полопались.

Многие просили:

– Ресницын, дай дунуть…

Тенька давал. Но у всех, кроме него, получались обычные пузыри. Кто-то начал приставать: в чем секрет?

– Не знаю, – честно говорил Тенька.

Мишка Чугункин, самый сильный и решительный, заявил:

– Не темни. Знаешь, только говорить не хочешь. Лучше колись добровольно, а то…

Но в этот момент задребезжал звонок, все побежали по

местам. Сели…

Тенька снова глянул на Юкову. Знаю, мол, кто разболтал. Она опустила глаза и шепнула:

– Тень… а у меня дома получилось. Как у тебя. Я матроску надела – и сразу… А потом и без нее…

Тенька сразу перестал делать вид, что сердится.

– Вот это да! А как это ты сумела?

– Ну… я старалась…

– Покажи.

– Ой… Тень, я не могу. Я «запускатель» дома оставила…

– Возьми мой. И дунь покрепче.

– Нам попадет.

– Сильно не попадет. Я скажу, что это я… нечаянно… На…

Танюшка опасливо взяла скользкий футлярчик, выдернула кольцо. Нынче уроки вела Анна Евсеевна. В это время она что-то писала на доске.

– Дуй…

Танюшка боялась. Но спорить с Тенькой тоже боялась. Сказала еще раз «ой» и дунула. Десяток пузырей взлетел над головами и начал быстро превращаться в корабли. Это сразу же заметили, загалдели, вскинув головы.

Анна Евсеевна обернулась:

– Что за шум?.. Ох! Это чьих рук дело? Признавайтесь…

Тенька напружинил ноги, чтобы встать и признаться. Не выдавать же Юкову! Но не успел. Мишка Чугункин басовито

сообщил:

– Это Ресницына дело! У него какой-то секрет, но он его зажимает…

– Лю-бо-пыт-но! Теня, это правда? Как ты это делаешь?

– Вот… – Тенька дунул снова.

Самый большой пузырь получился размером с футбольный мяч. Пузатый корабль засиял в нем десятком радуг, потому что в окно било утреннее солнце.

– Поразительно! Дай-ка я попробую.

Тенька безбоязненно дал ей свое сокровище.

У Анны Евсеевны не было привычки отбирать у ребят игрушки. В крайнем случае, скажет: «Спрячь и на уроке не доставай…» Сейчас она взяла «запускатель», повертела в пальцах и шумно дыхнула в колечко. И… полетели простые пузыри.

– Это не у всех сразу получается, – объяснил Тенька. – Надо тренироваться. Вот Юкова тренировалась дома и теперь умеет…

– Да? Ну ладно… Спрячь эту штуку до перемены… А мы, раз уж дело коснулось корабликов, давайте остановимся на такой теме. Кто знает стихи о кораблях? Кто прочитает?

– Я! – обрадовался Гарик Сорокин. – Вот…

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

– Хорошо… Но это все знают, с первого класса. А что-нибудь подлиннее?

– Можно я тогда «Бородино» прочитаю? – предложил Гарик.

– Можно, только в другой раз. Сейчас речь о корабликах… Что ты хочешь сказать, Наташа?

Натка Зубарева поднялась и сообщила:

– Мы с Никой Авдеевой знаем про бригантину. Только это надо не читать, а петь.

– Очень хорошо. А вы сможете сейчас?

– Ага, – важно сказала толстая Ника.

Они с Наткой выбрались к доске и запели храбрыми голосами:

Надоело говорить и спорить…

Тенька знал эту песню, и она ему нравилась. Но когда о флибустьерах поют девчонки, получается смешно. Тенька не стал смеяться, но и слушать не стал. Тем более что Танюшка шепнула рядом с его щекой:

– Тень, как ты думаешь, в трубочке много мыльного раствора?

– Я… не знаю.

– Он ведь, наверно, быстро кончится.

– Я… не знаю… – опять сказал Тенька. До сих пор он не

думал об этом.

– А если потом купить новую такую же штучку, она будет пускать кораблики?

«Я… не знаю…» – чуть снова не сказал Тенька, но это было бы совсем беспомощно. И он деловито ответил:

– Купим и попробуем.

– Да… Но я боюсь, что ничего не выйдет. Я решила экономить раствор.

«Мне тоже надо экономить…»

– Тень…

– Что?

– Я хочу, чтобы он был у меня еще там… куда я уеду.

– А куда ты уедешь? – Теньку царапнули нехорошие колючки.

– В Сосновск.

Сосновск лежал в сотне километров от Айзенверкенбаума. Там было много летних лагерей. В прошлом году мама чуть не отправила туда Теньку, но он уперся – побоялся оставлять ее одну.

– На все лето? – с грустным пониманием спросил Тенька.

– Насовсем.

Как же так? Только-только подружились немножко, и вдруг…

– Тань, зачем?

– Ну… здесь квартира тесная, давно без ремонта, а плату дерут, как за новую… А папа без работы… Такие вот тетки,

как у нас на собрании недавно были, ходят каждый день, даже без стука… «Вашим детям будет лучше в детдоме. Вы не можете их обеспечивать…»

– Вот паразиты!.. – выдохнул Тенька.

– У меня два пятилетних брата, близнецы… Мама говорит: «Я без них умру…» И без меня… А папа говорит: «Если сунутся на порог, я возьму дубину».

– А в Сосновске не сунутся?

– Там у нас бабушка, у нее дом большой, она хочет его нам отписать. А папу примут электриком на керамический завод.

– Тань…

– Что?

– У тебя есть мобильник?

– Есть. Старенький только. Тетя Вера отдала, когда я у нее гостила. Сейчас как без мобильника? Столько ужасов на улицах…

– Ты мне напиши номер, я тебе буду звонить в Сосновск… иногда… Ладно?

– Ладно… – И она отвернулась к окну.

А Тенька покашлял, потому что щекотало гланды. И что еще сказать, он не знал.

Когда Тенька шел из школы, его окликнул Шурик Черепанов. Он учился не в Тенькином классе, а в третьем «В». Пошли рядом.

– Тень, а правда, что ты умеешь выдувать кораблики? Ре-

бята говорят…

– Ну вот… вся школа уже знает!..

Шурик съёжил плечи.

– Ладно… Не хочешь – не говори.

– Да я же не отпираюсь, только… мыльный раствор надо экономить.

– Но один-то кораблик можно?

Шурик смотрел с нерешительной просьбой, и Тенька тайным каким-то нервом ощутил: дело не только в кораблике. Шурику почему-то хочется, чтобы он, Тенька, не просто, а по-дружески отозвался на его просьбу. Так же, как Шурик отзывался на просьбу о велосипеде.

– Смотри! – Тенька выдернул из нагрудного кармана «запускатель».

Конечно, получился не один кораблик, а полдесятка. Они плавно полетели над обочиной, где недавно были вырублены старые клены (каким уродам помешали эти деревья?!).

– Ну прямо это самое… магия какая-то… – очень серьезно сказал Шурик.

– Или, может быть, неизвестный закон природы… Это получается, когда у человека на одежде какой-нибудь кораблик или якорь…

– Но у тебя же нет… – осторожно заметил Шурик.

– А вчера был!.. «Запускатель» к нему привык. Как бы записал в программу… И у Таньки Юковой получилось… – Он постеснялся сказать «Танюшки». – У нее матроска…

– А у меня есть майка с якорем на пузе! Как ты думаешь, получится у меня, если я куплю такую штучку? Их ведь везде продают!

– Надо попробовать.

Откуда Тенька знал: получится или нет? Может быть, это свойство лишь у тех «запускателей», которые даются в награду.

А Шурик вдруг пнул на асфальте осколок гравия и сказал как-то сбивчиво, в сторону:

– Тебе теперь, наверно, тот пенопласт не нужен… который я недавно дал. Раз у тебя теперь такие корабли…

– Да почему же не нужен! – возмутился Тенька. – Очень даже нужен! Для той самой игры! Я вчера уже сделал новый корабль, с двумя мачтами! Хотел сегодня пустить…

Он врал, потому что чувствовал: это нужно Шурику. Чтобы Шурик не подумал, будто Тенька забыл его подарок. («А то обидится и больше не даст велосипед». – «Не ври, Тенька, разве дело в велосипеде?»)

– А тогда… знаешь чего?

– Чего?

– Может, пустим твой кораблик вместе? С Косы?

– Давай! Я и сам хотел!.. Только надо зайти домой. Кораблик возьму и переоденусь. А то весь изжарился…

– Да, я тоже! Давай сбежимся через полчаса!

– Не, Шурик, ты что! Раньше, чем через час, не получится. Ты же знаешь: «Пока не поешь, никуда не пойдешь!..»

– Ой, да! «Ребенок совсем отощал!»

– «Из тебя ребра торчат, как из сушеной воблы!»

– «Если улизнешь, я позвоню папе!» – Тут Шурик осекся: не надо бы про папу-то. Он знал про обстоятельства в семье Ресницыных.

Но Тенька сделал вид, что ничего не заметил. Глянул на часы.

– Сейчас полпервого. Давай в два!

Мамы дома не было. Снова дежурила (вчера на подмене, сегодня по графику). Тенька понажимал кнопки.

– Мама, я пришел!.. Ага, разогрею… Ага, приберусь… Ладно, вымою… А потом погуляю с Шуриком… Хорошо, вечером зайду… Мам, ну какие уроки в конце мая! Мы уже все контрольные написали! Позвони Анне Евсеевне, она подтвердит!

С обедом и уборкой он управился в момент. Главная забота была – смастерить кораблик. И не кое-как, а будто бы он сделан без всякой спешки, накануне. Ладно, дело привычное. Тенька острым сапожным ножиком (отец еще точил) выстругал из пенопласта корпус-лодочку. Обточил рашпилем, потом напильником. Вставил в мягкую палубу две толстые соломины из рисового веника. Из альбома для рисования вырвал листок, вырезал из ватмана два квадратика-паруса. Сделал руль из тонюсенькой дощечки от спичечного коробка. Вместо киля-плавника вставил в днище двухрубле-

вую монетку (все равно на нее ничего не купишь). И наконец-то – летний, невесомый, в сиреневом своем наряде – поехал в скрипучем лифте вниз.

В кабине пахло приторной помадой – наверняка здесь недавно побывала Изольда Кузьминична. Но и это не испортило Теньке настроения.

Было еще без десяти два, но Шурик ждал уже у подъезда. В «пиратском» наряде – обрезанных джинсах, в майке с большущим якорем на груди, в желтой косынке на волосах. И с велосипедом.

– Садись на багажник!

Тенька сел, одной рукой ухватился за пружину седла, в другой поднял над плечом кораблик.

– Ну что, на Косу? – спросил Шурик.

– Да!

«Капитаны» и тараканы

Косой назывался сложенный из булыжников длинный пирс. Он вдавался в пруд недалеко от Макарьевского двора. На косе зацветали тополя. Пух еще не летел с них, но белые, похожие на цветы черемухи гроздья уже свисали с веток.

Дорога на пирсе была бугристая – где-то старый асфальт, где-то втоптанный в землю гравий. Колеса – трюх, трюх, трюх!.. Тенька весело ойкал. Шурик звякал звонком – просто так, потому что встречных не было.

Но по сторонам от аллеи люди были. Несколько парней студенческого вида протягивали между тополями толстую проволоку на уровне своего роста. Кое-где проволока была уже натянута. На ней висели куски рельсов и металлические пластины. А в одном месте – даже медный колокол размером с ведерко (проволока сильно провисала).

– Шурик, для чего это они? Давай спросим…

– А я и так знаю. – Шурик снова позвонил. – Это сигнальная система.

– Зачем?

– Здесь будут дежурить всякие добровольцы. Следить, чтобы не спилили тополя.

– А зачем их пилить? – удивился Тенька.

– А зачем большие деревья срезают по всему городу? Виталя говорил, что Зелентрест деньги зарабатывает. Его на-

чальник – родственник мэра, вот и договорились. Спилить один тополь стоит пять тысяч рублей. Работа – раз плюнуть, а заработок вон какой… Скоро во всем городе не останется деревьев. А называется «благоустройство».

– Вот паразиты! – сказал Тенька, стараясь не выпустить кораблик (его дергал встречный ветер). Он замечал, что деревьев на улице все меньше и меньше, но до сих пор не задумывался: отчего это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.